

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

МРАК В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Мрак в конце тоннеля

«ЭКСМО»

2011

Колычев В. Г.

Мрак в конце тоннеля / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2011 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

Игорный бизнес переживает тяжелые времена – по всей стране закрываются казино. Но столичные воротилы азартных игр решительно не согласны с таким положением дел. И тогда они задумывают перенести свой бизнес... под землю, в московские катакомбы. С помощью наркотиков и новейших пси-технологий они зомбируют людей и заставляют их рыть тоннели и строить бункеры для будущих казино. Частный сыщик Платон Молочков вынужден ввязаться в эту темную историю, потому что девушка, в которую он влюблен, просит его отыскать пропавшего в подземельях брата. Платону страшно спускаться в преисподнюю, где его наверняка ожидает смерть. Но чего только не сделаешь ради любимой...

© Колычев В. Г., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Колычев

Мрак в конце тоннеля

Глава первая

1

Тревожная сирена истошно выла и стонала, настраивая сознание на похоронный лад, красные лампы на грязно-серых стенах пугающе мигали, и мне вдруг стало казаться, что по ржавым грохочущим ступеням железной лестницы я спускаюсь в собственный склеп. Но повернуть назад уже невозможно: лестница узкая, пролеты такие же неудобные, а за мной суетливо, на нервном взводе спешили вниз другие люди. Сигнал воздушной тревоги вызвал, казалось, массовый психоз, и мои спутники, так же как и я, стремились поскорей спрятаться от него в глубине подземелья. Пойдешь против течения – затопчут. Во всяком случае, мне сейчас так казалось и пытаться судьбу не хотелось. К тому же с каждым шагом источник тревожного сигнала удалялся, хотя вряд ли смягчалось его вредоносное воздействие на психику.

В Египте птицы-сирены считались душами, отделенными от тел, и в греческой мифологии то же самое. Но души эти злые, жаждущие крови. Вот и мне сейчас казалось, что эти кроважадные злыдни несутся за нами по пятам, загоняя нас в каменный мешок.

Но, может, нервную вибрацию вызывал не столько зауспокойный звук тревожной сирены, сколько страх перед воздушным нападением. Ведь не обычная бомба может упасть на город, а ядерная, много-многомегатонная. Потому и несут меня ноги вниз, по гулкой шахте к подземному бункеру, за тяжелые герметичные двери.

На минус последнем этаже лестничная шахта заканчивалась, и дальше вниз, под уклон, вел пандус. Стены здесь прочные, железобетонные, в одном месте на высоте своего роста я увидел выбоину, а в ней – арматурные прутья трехсантиметровой как минимум толщины. Все правильно: чем глубже подземелье, тем выше коэффициент бокового давления грунта, поэтому и армирование здесь мощное.

Под сводчатым, усиленной конструкции потолком тянулся ржавый накладной канал для кабелей и проводов. Освещение тусклое, мерцающее, но красные стрелки, указывающие направление движения, видны хорошо; судя по свежести краски, покрашены они не очень давно. Под каждой такой стрелкой той же краской выведены цифры. Пятьдесят метров остается до входа в противорадиационный бункер, сорок пять, сорок... Сирена воет где-то далеко, едва слышно, но все же нервное возбуждение не спадает, и с каждым шагом увеличивается коэффициент давления подземного пространства на нервы. Но вместе с тем хоть и робко, но уже маячит в сознании мысль, что ко всему этому можно привыкнуть – если, конечно, очень захотеть.

Стены некрашенные, нештукатуренные, со следами плесени, соскобленной и выжженной автогеном. Мой нос уловил слабый запах карбида кальция.

Но не запах смущал меня, а сами стены, железобетонные, холодные и вкуче со всей толщей земли, что нависала надо мной, невероятно массивные. Вся эта чудовищная масса, казалось, высасывала энергию из меня, как студеной железобетонная плита может забирать тепло из прислонившегося к ней тела.

Спусковой коридор закончился, и я оказался в просторном, залитым ярким светом тамбуре перед открытой сейфовой дверью в бункер. Люди здесь не задерживались, один за другим проходили в следующий тамбур-шлюз, разделенный на три входные секции, видимо, для

того, чтобы принять как можно больше людей за отведенное на эвакуацию время. Но входная дверь была открыта только в одну секцию, и там нас ждал низкорослый мужчина в защитном костюме. Противогаз в сумке на одном боку, на другом – пульт радиационного сигнализатора, датчик от которого он держал в опущенной правой руке. Противник еще не нанес ядерный удар, и еще рано было проводить радиационный контроль, но порядок есть порядок.

Так же как и наружный, внутренний тамбур-шлюз был ярко освещен. На стенах кафельная плитка, давно уже утратившая первозданный блеск, но чисто вымытая, многочисленные сколы замазаны алебастром. Пол под ногами бетонный, но недавно и довольно-таки качественно покрашенный.

К открытой для прохода секции примыкало помещение, о назначении которого сухим казенным языком говорила прибитая к стене табличка: «Пункт санитарной обработки личного состава». Заходить я туда не стал, но из коридора через открытую дверь увидел ржавую трубу с приваренными к ней душевыми стойками. Опять же, нам туда не нужно, поскольку на зараженной местности мы не побывали. И, надеюсь, ноги моей там не будет...

За следующей сейфовой дверью нас ждало светлое просторное помещение. Стены железобетонные, неоштукатуренные, но выкрашенные в светло-серый цвет; плафоны под потолком старые, местами треснувшие, но не пыльные и мухами не засиженные. Видно, что их протирали совсем недавно. И железный канал для кабелей и проводов не производил здесь столь угнетающего впечатления, как в шахте перед входом.

Тяготила сама атмосфера подземелья, она же невольно навевала мысль о безнадежности ситуации. Казалось, вот-вот где-то наверху рванет атомный заряд, и этот бункер превратится в могилу для живых мертвецов. Нас уверяли, что еды и воды здесь хватит лет на тридцать, но автономная жизнь в этих казематах – не более чем жалкое существование. Ну не может человек жить без солнца, без просторов, заполненных облаками, ветрами, лесами, морями, реками... Здесь же вместо неба – потолок толщиной в десятки метров, вместо ветра – воздушный поток из вентиляционных каналов. Роль леса – легких земли – выполняла фильтровентиляционная установка, которая сейчас гнала воздух в обычном режиме. А когда наверху рванет, она будет его и фильтровать, и создавать в бункере избыточное давление, чтобы сюда извне не проникали зараженные частицы...

Фильтровентиляционная камера находилась справа от меня, за железной дверью, из-за которой виднелась установка, состоящая из воздухозаборного устройства, противопыльных и поглощающих фильтров, вентиляторов, разводящей сети, воздухорегулирующих и защитных устройств. Нет, я не был специалистом по бомбоубежищам и системам жизнеобеспечения, но читать я научился еще в подготовительной группе детского сада, и с тех пор имею свойство разглядывать пояснительные таблички, попадающиеся у меня на пути. Одна такая шильда и висела у входа в фильтровентиляционную камеру.

Напротив висела другая табличка, описывающая устройство дизельной электростанции, которую от посторонних глаз оберегала запертая на замок дверь. Чуть в стороне виднелась схема узла связи, как называлось подземное сооружение, куда меня занесло.

Узел связи находился в первом и втором блоках, каждый из которых представлял собой длинный коридор с примыкающими к нему служебными и жилыми помещениями. Блоки эти были связаны узкими переходами, а также общей столовой, медпунктом, комнатой отдыха и санузелом. Третий блок представлял собой обычное бомбоубежище – коридор с двумя примыкающими с обеих сторон основными помещениями для размещения людей; здесь также были медицинская комната, туалеты и душевые, но столовая не предусматривалась. И о комнате отдыха не шло речи. Зато имелись кладовые для хранения продуктов и материальных средств.

Третий блок находился на одном уровне, а первый и второй – на другом, этаже ниже, и связаны между собой они были переходным шлюзом, в котором сейчас находилась наша группа из двух-трех десятков человек.

С гулким стуком за нами закрылась тяжелая, с выступающими ребрами жесткости дверь, и мы оказались в каменном мешке. С одной стороны вход, с другой – контрольно-пропускной пункт, через который и должен был в дальнейшем фильтроваться людской поток. Гражданским показывали налево; они должны были входить в коридор, затем снова сворачивать налево и идти прямо до основных помещений. Военных пропускали дальше, они спускались вниз на этаж и расходились по своим объектам.

Интересно, в какую графу попадем мы – в гражданскую или в военную? Или останемся здесь, в переходе, слушать, как работает фильтровентиляционная установка?

Вдоль стен шлюза стояли сваренные из железных листов скамейки, сквозь краску на них проступала ржавчина, а я не хотел пачкать свои новые джинсы. Да и на ногах я держался достаточно крепко, хотя, честно сказать, находился слегка под хмельком. Но это мое обычное состояние, я к нему давно привык, поэтому всерьез считал себя трезвым.

Пил я малыми дозами, но в течение всего дня. И всему виной мой дурной характер. Я не алкоголик и, пожалуй, с легкостью могу отказаться от спиртного, но для меня это, увы, неприемлемо. Дело в том, что в трезвом состоянии я плохо управляю собой. Такая вот у меня беда – с детства страдаю синдромом бескомпромиссной справедливости и все воспринимаю в белом или черном свете. Увы, я не различал полутонов, для меня не существовало «не совсем плохих» или «не очень хороших» людей. Одно из двух: либо ты хороший, либо плохой; или ты делаешь добро, или творишь зло. Все бы ничего, но еще в старших классах я взял на вооружение изречение знаменитого Платона. «Кто не совершает несправедливости – почтенен; но более чем вдвое достоин почета тот, кто другим не позволяет совершать несправедливости». Этот девиз стал моим жизненным проклятием. В десятом классе я жестоко избил соседа по парте за то, что тот назвал мою хорошую знакомую шлюхой. Хотел ударить в лоб, а попал в глаз – парень едва не лишился зрения, а на меня завели уголовное дело, которое так и не дошло до суда, но нервных клеток сторело вагона два, если в пересчете на уголь. В одиннадцатом классе я схлестнулся с уголовником, который на моих глазах отобрал у женщины сумку. Мне бы пройти мимо, а я его догнал и зарядил ему кулаком в нос. Едва не убил отморозка, а потом за мной его дружки с ножами гонялись, мстили за него. И ведь порезали – финкой по животу полоснули; еще бы на миллиметр глубже, и – привет работникам ритуальных услуг.

В первом случае мне грозила тюрьма, во втором – смерть. Но сколько их было – ничем не примечательных моментов, когда я давал волю рукам! Добро должно быть с кулаками. Но дело в том, что это «добро» само по себе любило подражаться.

Про армию лучше не вспоминать. Чуть ли не в первый же день я подрался со «стариком» за то, что он, походя, пнул меня сапогом под копчик. Надо было стерпеть, промолчать, но мой буйный характер и тяга к справедливости нацелили кулаки на обидчика. С ним я справился, за что вскоре жестоко поплатился. Ночью меня подняли с койки, отвели в умывальник, где по мою душу собрались «деды». Я сопротивлялся; кому-то, помнится, разбил нос и подсветил глаз, но все-таки меня свалили с ног. И до постели я в ту ночь еле дополз. Через несколько дней история повторилась. Меня снова отвели в умывальник. На этот раз я кому-то выбил зуб, но все равно остался в проигрыше. Через какое-то время мне досталось снова, но кому-то из «стариков» я сломал челюсть. Только тогда «деды» отступились от меня, зато вплотную занялись молодежью из моего взвода. Как итог, сослуживцы моего призыва меня возненавидели. Даже «темную» хотели мне устроить, но не решились, ведь кулаки у меня – будь здоров. Через какое-то время мы сами стали «дедами», но антипатия ко мне сохранилась, потому что я не позволял им обижать «молодых». Такой вот я был сознательный. А еще мой тезка Платон меня подзуживал. Честь наша состоит в том, учил он из далекого прошлого, чтобы следовать лучшему и улучшать худшее, если оно еще может стать совершеннее. Вот я следовал этому лучшему, вызывая неприязнь окружающих. И чуть в дисбат не загремел за то, что избил сержанта из своего призыва.

Но вместо дисбата беспредельная тяга к справедливости привела меня в школу милиции. Мне повезло, что мои однокурсники оказались нормальными ребятами; никто меня особо не раздражал, и я со всеми ладил. Словом, за два с половиной года не случилось ни одного серьезного инцидента, который мог закончиться для меня отчислением. Я получил офицерские погоны и отправился служить в уголовный розыск.

А там сплошная несправедливость – что по одну сторону закона, что по другую. Ладно, уголовники, у них на роду написано творить зло; но некоторые мои коллеги оказались не лучше – и преступников за мзду освобождали, и липовые дела против неугодных фабриковали, и вымогательствами занимались. Далеко не все такое вытворяли, большинство моих товарищей служили честно – но, как известно, в бочке с медом лучше всего видна ложка с дегтем. Тем более не одна там была ложка, и даже не две...

Первым серьезным делом, к которому меня допустили, было убийство проститутки. Вскоре выяснилось, что к преступлению причастен экипаж патрульно-постовой службы из нашего отдела. Ребята крышевали уличных девочек из нашего района, а часть преступных доходов передавали начальству. Поэтому поступила команда замять это дело. Но не тут-то было. Я пошел на принцип, и сначала на скамью подсудимых сели сутенеры в погонах, а потом и заместитель начальника нашего отдела. Ну, и чего я добился? Коллеги отвернулись от меня, а из службы собственной безопасности пришло предложение работать у них. Я отказался, а вскоре написал рапорт о переводе на новое место службы.

В новом коллективе меня приняли настороженно, но я был уже научен горьким опытом и не хотел больше быть умнее всех. К этому времени я уже успел заметить, что алкоголь приглушает во мне чувство справедливости и подавляет навязчивое желание лезть на рожон. Это и помогло мне найти общий язык с моими товарищами. Употреблял я понемногу, но с утра и каждый день. Увы, но такой стиль стал для меня нормой, и я до сих пор его придерживаюсь, хотя еще в прошлом году с треском вылетел со службы.

Я расследовал квартирную кражу. Из богатого дома исчезло кольцо с бриллиантами, обнаружилось оно в кармане девушки, имевшей несчастье крутить роман с парнем из числа «золотой молодежи». Отец мажора был против этих отношений, поэтому неугодная девушка и стала воровкой. А был этот господин депутатом Госдумы и успешным бизнесменом и сразу дал понять, что перечить ему не стоит. Но я не пошел у него на поводу и сумел доказать, что никакой кражи не было, а имела место инсценировка преступления, чтобы отправить девушку в места не столь отдаленные. Дело я развалил, но депутата к ответственности привлечь не смог. А тот объявил мне войну. С его подачи оперативники из управления собственной безопасности установили в моем кабинете видеокамеры и смонтировали длинную запись, где я то и дело прикладывался к своей любимой фляжке. В конце концов меня выставили законченным алкоголиком, дело мое передали на аттестационную комиссию, устроили разбирательство. Если бы не депутат, я мог бы отделаться предупреждением о неполном служебном соответствии, но, увы, комиссия приняла решение уволить меня со службы. Чтобы не доводить дело до дискредитации, мне предложили написать рапорт на увольнение по собственному желанию. Я согласился, и вот уже почти год занимаюсь частным сыском. Не скажу, что эта работа мне нравится, но, как оказалось, ничем другим я больше заниматься не умею... Такой вот я, Платон Молочков.

Да, фамилия у меня, мягко говоря, не очень звучная. Но мой отец потому и дал мне имя Платон, чтобы не было у меня обидных кличек вроде Молочка. И надо сказать, он поступил мудро, потому что везде – и в школе, и в армии, и на службе, меня так и звали – Платон... Да и попробуй обидь меня, так больно получишь кулаком... Если, конечно, я не под мухой. Впрочем, и в таком состоянии меня можно вывести из себя, если постараться.

Но сейчас я пребывал в мирном расположении духа. Ну, смущала меня немного непривычность обстановки, но для окружающих опасности я точно не представлял. И на появившиеся

гося офицера в армейской полевой форме советского образца глянул без всякого раздражения. А он шел к нам со стороны контрольно-пропускного пункта; голова высоко поднята, плечи расправлены, спина прямая, походка бодрая, пружинистая, в правой руке кожаная папка, которую он прижимал к бедру.

– Товарищи, я рад был бы приветствовать вас в нашем подземном сооружении, – траурно-пафосным тоном начал он. – Но, к сожалению, противник нанес по территории нашей страны ракетно-ядерный удар, и столица нашей родины Москва разрушена ядерным взрывом. В момент взрыва уровень проникающей радиации в нашем районе составлял тридцать тысяч рентген в час; но кратность ослабления нашего сооружения составляет пятнадцать тысяч; таким образом, каждый из нас получил дозу облучения, равную двум рентгенам в час. Поскольку смертельная доза радиации для человека при кратковременном воздействии составляет от трехсот до пятисот рентген в час, переживать вам нечего. В настоящее время мы находимся в зоне опасного радиоактивного заражения, уровень радиации составляет четыреста рентген в час, через семь часов этот уровень составит сорок рентген в час. Через двое суток уровень радиации на поверхности согласно расчету должен составить четыре рентгена, через две недели – всего ноль целых четыре десятых. Как будет на самом деле, покажут последующие замеры...

Торжество безнадежности в его голосе завораживало, и я вдруг поймал себя на мысли, что начинаю верить этому человеку. Действительно, над Москвой разорвался термоядерный заряд невероятной мощности, ударная волна разрушила дома, больницы, школы, смертоносное излучение уничтожило все живое, и спастись удалось только избранным вроде нас.

Но все испортил немолодой уже мужчина с двойным подбородком и бульдожьими щеками. Панама с пальмами на лысой голове, козырек свернут в одну сторону, а губы скривлены на другую. Глаза скрыты под солнцезащитными очками, но я и сквозь них ощущал его презрительное ко всем и ко мне, в частности, отношение.

– А у меня через две недели самолет на Гавайи! – не вынимая изо рта жвачку, чванно прошмякал он.

Казалось, он уже заранее собрался на курорт. Пестрая рубаша под жилеткой цвета хаки, шорты-бриджи с карманами, кроссовки с белыми носками. Он стоял, спиной прислоняясь к стене, и с небрежностью баловня судьбы обнимал за плечи симпатичную и стройную, как стебелек, блондинку, которая казалась более умной, чем ее мужчина. И выражение лица у нее было осмысленное, и одета она по обстоятельствам – волосы убраны под кепку «милитари», стильный комбинезон, камуфлированный под пустыню, на спине рюкзачок такой же расцветки.

– Нет больше твоих Гавайев, – недовольно глянул на выскочку высокий, дородный мужчина в утепленном костюме для охоты. – Кто-то бросил валенок на пулыт.

Ворот его куртки был расстегнут, и можно было увидеть треугольник тельняшки с черными полосами. Может, во флоте служил мужчина, может, в морской пехоте, но в любом случае давно это было, если он, конечно, не офицер. А срочная служба для него, судя по возрасту, могла закончиться лет двадцать назад...

– Какой валенок?! – кисло спросил щекастый.

Но мужчина лишь небрежно отмахнулся от него. Дескать, кто не знает бородатых анекдотов, тот для него слишком юн и глуп.

Могло, конечно, накрыть Гавайи – с какого-нибудь подводного ракетносца. Но не накрыло. Потому что нет никакой атомной войны, и Москва не разрушена. Уровень радиации в столице не превышает естественный фон, чего не скажешь о цене билета в подземный узел связи, давно уже рассекреченный и переданный в частные руки. Обычно здесь проводятся двухчасовые экскурсии, но я и вся наша группа должны были находиться в бункере трое суток. Сценарий прост как сама ядерная война – Москва в руинах, а мы здесь, под землей, в режиме автономного существования. Каждый сходит с ума по-своему – одни садятся за свои же деньги

в имитатор тюрьмы, другие спасаются от мнимой войны. В принципе каждый человек имеет право на экстремальный отдых. Особенно если он оплачен из чужого кармана.

Но это я, можно сказать, халявщик, а большинство за трехдневную экскурсию выложили свои кровные. Кто-то сделал это без всякого ущерба для собственного бюджета, а кому-то пришлось поднапрячься. Все-таки девять килорублей на человека – сумма достаточно приличная, за такие деньги в Турции можно несколько дней отдыхать, в какой-нибудь затрапезной гостинице и без учета стоимости авиабилетов... А я бы сейчас мог купаться в море, и в шезлонге возле бассейна неплохо бы оттянуться. Красота – над головой солнце, справа пальмы, слева девушки в мини-бикини...

А у нас тут свой Бикини. Есть такой атолл в Тихом океане, в гряде Маршалловых островов. Не знаю, сколько атомных бомб взорвали там американцы, но радиацией этот коралловый остров пропитан насквозь. У нас хоть и потешная война, но работник частного бомбоубежища умел нагнетать обстановку, да и атмосфера самого подземелья определенно действовала на психику. Если бы не щекастый позер, я бы уже, пожалуй, поверил, что Москва погибла.

2

Жилое помещение в первом блоке узла внешне напоминало тюремную камеру. Те же примерно размеры, такие же дощатые нары, каменные, а если точнее, железобетонные стены, тусклая лампочка в решетчатом плафоне под потолком. Но на этом все сходство и заканчивалось. Двери здесь не было вообще, ее заменяла натянутая на стальной струне солдатская плащ-палатка. И в туалет здесь не сходишь, и чтобы умыться, нужно было идти в конец коридора в общий санузел. Вещи можно было сложить в солдатскую тумбочку без дверцы, а куртку повесить на рогатую вешалку-стойку или сложить на табуретке. Впрочем, куртку снимать я не торопился. Не так уж и тепло в отсеке, скорее, наоборот. Две параллельные трубы вдоль короткой стены едва теплые, а от стен тянет сыростью.

Неудивительно, что мой сосед по камере... э-э, по комнате кутается в солдатское одеяло. И это притом, что куртка на нем более теплая, чем у меня, еще и специальная, брезентовая, с капюшоном, с множеством карманов. И еще в ней, как на полевом армейском камуфляже, имелась вшитая кобура, куда, похоже, был вложен пистолет – может, боевой, а возможно, и травматический, ну или газовый. Надо будет выяснить, действительно ли парень вооружен или мне только показалось. Я хоть и сыщик, но взгляд у меня – не рентгеновское излучение, чтобы видеть людей насквозь. А хотелось бы...

Я очень сомневался в том, что в условиях реальной боевой обстановки мы могли бы так просто находиться в этой комнате. Это военный объект, личный состав которого должен был бы заниматься выполнением боевой задачи, а именно обеспечивать связь между правительственными и военными учреждениями, также расположенными под землей, в бункерах, связанных между собой линиями секретного метро, о котором я слышал краем уха. Но от бывшего узла связи здесь остались древние телефонные коммутаторы и аппараты, останки релейной станции, занимающей целую комнату, и стеллажи, откуда в свое время была снята шифровальная аппаратура. И мы здесь не личный состав, мы гости, о которых нужно заботиться; поэтому нас развели по жилым отсекам, где на дощатых нарах лежали скатанные в рулоны матрасы, одеяла в них, постельное белье – чистое, но темноватое от времени и влажноватое от сырости. Обед будет по расписанию, в общей столовой. А пока можно было лежать на спине, скрестив руки на затылке, и смотреть на потухший экран допотопной «Березки». Телевизор стоял в углу комнаты и создавал антураж прошлого века, такого же черно-белого, как холодная война и сам телевизор. Еще бы радиолу «Ригонда-ВЭФ-Кантата-Урал» поставили; была такая «бандура» у моей бабушки – до сих пор, кстати сказать, работает.

Телевизор наверняка не работал, поэтому я даже не пытался включать его. Пульт дистанционного управления от него не могло быть в принципе: слишком древняя для столь полезного изобретения модель. А встать с лежачка лень.

– Замерз? – спросил я у соседа.

Это был парень лет двадцати, патлатый, глазастый, остроносый, скуластый и бледнолицый. Худосочный, высокий, длиннорукий, в альпийских ботинках, минимум сорок пятого размера. Отсутствующий грустно-улыбчивый взгляд.

Прошло несколько секунд, прежде чем парень сообразил, что вопрос обращен к нему. А ведь, кроме нас, в комнате никого не было. Вернее, были еще двое мужчин – один пожилой, другой не очень, – но любопытство будто ветром выдуло их из отсека; бродят сейчас, наверное, по закоулкам первого блока в поисках острых ощущений. Да и я сам не так давно вернулся с прогулки. Только худосочный никуда не ходил. Как закутался в одеяло с самого начала, так до сих пор и сидит, о чем-то думает.

– Холодно, спрашиваю? – повторил я вопрос.

– Ну, есть немного, – виновато улыбнулся парень, непонятно почему дернув ногой.

Может, голосовые связки у него напрямую связаны с двигательным нервом. Или центральная нервная система барахлит.

Еще причиной такого взбрыка могло быть наркотическое опьянение. Тем более что бледность лица можно было считать одним из признаков такой оказии. Но зрачки у парня вроде бы не расширены и не сужены, глаза не мутные и покраснения в них не наблюдается. И речь не замедленная.

– В армии служил?

– Нет.

– Понятно.

– А что армия дает? – с невнятным чувством превосходства спросил он. – Бегать и стрелять я и так умею.

– «Контр Страйком» увлекаешься?

– Да так, чуть-чуть. В основном в пейнтбол играю. У нас команда самая лучшая...

– И в окопах мерзнете, да?

– Да нет, пока что без окопов. Хотя есть идеи...

– Какие идеи? В армии приказ, а не идеи. Запрут на полигон на целую неделю, в мороз; сначала окопы роешь, потом сидишь, мерзнешь... Это жизнь, а твой пейнтбол – баловство.

– Ну, баловство, не баловство, а многие солидные люди в него играют.

– Менеджеры среднего звена?.. Потому что в армии не служили, потому и балуются.

– А вы, случайно, не из военкомата?

– Точно, специально билет за девять тысяч купил, чтобы тебя здесь агитировать... – в саркастической ухмылке скривил я губы.

– А в окопах когда мерзли? В сорок первом?

Я недовольно повел бровью. Разговорился парень, дерзить начал. За такое и подзатыльник отпустить не грех. Но лучше, конечно, обойтись без этого. И разговор нужно закончить: на idiotские вопросы отвечают только idiotы, а я пока что в здравом уме. Поэтому пришлось сделать вид, что у меня к собеседнику нет никакого интереса. Все, нет его больше, умер он для меня.

– Вы обиделись? – догадался парень.

Как ежик складывает колючки, так и он сбавил тон. И вину свою, похоже, осознал.

Я промолчал. Он еще даже не извинился, чтобы я мог опуститься до разговора с ним.

– Не знаю, что на меня нашло.

Но я по-прежнему делал вид, что не замечаю его.

– Извините, я не хотел вас обидеть.

– Ничего, бывает, – снизошел я.

И достал из кармана куртки плоскую из нержавейки фляжку с коньяком, свинтил пробку, сделал несколько глотков из горлышка.

– От радиации защищаетесь? – угодливо спросил проштрафившийся сосед.

– А то! – скупно кивнул я. – И еще согревает хорошо...

– А что там, коньяк?

Я заметил, как шевельнулись его ноздри. Видно, учуял ароматный запах проспиртованной дубовой бочки.

– Угадал.

– Я бы тоже не отказался.

Я сделал вид, что не понял намек.

– Между прочим, сейчас война, – продолжал атаковать меня молодой начинающий нахал.

Я покровительственно усмехнулся, с интересом глянув на соседа. Не пустая у него черепушка, знает, чем взять собеседника.

Ничего не говоря, я потянулся к своей сумке, одной рукой неторопливо раскрыл ее, достал початую бутылку отличного французского коньяка. Война хоть и не настоящая, но делиться с «товарищем по окопу» нужно...

Зарабатывал я не очень много, на жизнь хватало, а на дорогой французский коньяк – не всегда. Но у меня была жена. Бывшая. Первая из трех, тоже бывших... Ну не сложилась у меня семейная жизнь, не смог я найти свою половинку. С Оксаной ничего не вышло, затем с Ириной пролетел, потом была Наташа, но и с ней пришлось расстаться. Теперь я холостяк и отец троих детей. От каждой жены по ребенку – такая вот арифметика.

Оксана родила мне дочь. Катюшке уже восьмой год, и она уже такая же красивая, как мама. И такая же хорошая... Это я плохой, потому что не смог удержать птицу счастья. О чем, надо сказать, очень жалею. Не зря говорят, что вторая жена хуже первой, а третья – второй. Эту истину я на себе проверил... Впрочем, все это лирика, а проза состояла в том, что сразу после развода Оксана очень удачно вышла замуж, и мне уже ничего не светит. Да я и не надеюсь. Просто время от времени навещаю Катюшку, а в прошлом году даже провел с ней целых две недели, пока Оксана с новым мужем осваивала Сейшельские острова.

Вот и в этот раз Оксана попросила меня остаться с Катюшкой, пожить с ней в их с мужем загородном доме. Я согласился, а Костя за это подарил мне билет на трехдневную ядерную войну. Сказал, что взял по случаю, думал с Оксаной пожить подземной жизнью, но та восприняла его идею в штыки. А чтобы я не вздумал отказаться, сделал мне другой, более ценный презент – три бутылки дорогого французского коньяка. Дескать, как раз на три дня хватит... Как будто не знает, что я пью хоть и часто, но умеренно, и этих трех бутылок мне могло хватить почти на неделю... ну, четыре дня точно...

Бутылку я достал, потому что не мог предложить востроносому соседу выпить из своей фляжки. Как говорили казаки: свое ружье, коня и жену нельзя давать никому. Я бы добавил к этому списку и свою драгоценную фляжку. Дать кому-то приложиться к ее горлышку, все равно что позволить поцеловать свою девушку. А налить из бутылки – пожалуйста, если, конечно, есть желание угощать.

Парень подошел ко мне, выпростав из-под накинутого одеяла руку, потянулся к бутылке.

– Из горла нельзя, – покачал я головой. – стакан давай. Или кружку.

Он кивнул, полез под нары за своей сумкой, достал оттуда пластиковую кружку, снова потянулся к источнику жидкого тепла. Но я увел от него бутылку.

– Незнакомым не наливаю.

– Э-э... Валера я...

– Платон.

Щедрой рукой я отмерил в кружку граммов сто коньяка, на этом угощение закончилось.

– Ну, за знакомство!

Валера поднял кружку, рассчитывая, что я чокнусь с ним фляжкой, но я не откликнулся на его призыв.

– Спасибо, я уже выпил.

– Ну, еще пару глотков.

– Я человек непьющий, – совершенно серьезно сказал я.

– Да?! – вытаращился на меня парень.

Похоже, он снова захотел спросить у меня про сорок первый год или что-то в этом роде.

– Я выпиваю только в одиночестве. И только по мере надобности.

– Но в одиночку пьют...

– Отстань, – перебил я Валеру и, отмахнувшись, повернулся к нему спиной.

Одеяло подо мной, но лень подниматься, чтобы залезть под него. К тому же коньяк мало-мало согревал. И еще действовала методика, которой научили меня еще в армии. О ней-то я и хотел рассказать Валере, но все испортил его дурацкий вопрос. А способ согреться простой – расслабляешь тело и внушаешь себе, что в груди, как в походной печке-буржуйке, пышет огонь. В стужу эта методика, конечно, не сработает, но в такой прохладе, как сейчас, вполне может помочь даже новичку.

Как это ни смешно, но я действительно причислял себя к непьющим. Ведь я избегал застолий, где легко можно было потерять чувство меры и набраться до икоты. Мой тезка Платон советовал пьяным людям смотреться в зеркало, чтобы отвратиться от своего безобразия. В сущности, именно так я и поступал, контролируя себя. И следил за собой, чтобы легкий запах перегара от меня не вызвал в людях отвратительных ассоциаций. И стрижка у меня модная, и волосы я содержу в чистоте, по мере возможности укладываю феном. Мне уже тридцать четыре года, но на лбу ни одной морщинки и под глазами никаких мешков. Волосы не осветляю, смягчающими кремами для лица не пользуюсь, ресницы не выщипываю и не подкрашиваю, бесцветный маникюр не для меня – но все равно, если верить Оксане, выгляжу вполне ухоженно. И отнюдь не женоподобно, в отличие от новомодных метросексуалов, тьфу на них. Если кто-то с этим не согласен, я могу доказать. Только не советую со мной спорить, а то ведь и под мухой мои кулаки могут сорваться с привязи...

Чем больше я согревался, тем сильнее одолевала меня дрема. Я засыпал, представляя, что скоро трехдневный срок моего пребывания здесь закончится и я смогу провести две недели в обществе своей дочери, в доме, где она жила со своим отчимом. У Кости – гостиницы, казино, рестораны, на этом он и зарабатывал свои миллионы. Дом у него большой, в стиле классического помещичьего особняка с колонами и флигелями, посреди сосновой рощи, на берегу тихого озера. Воздух там и вкусный, и целебный. А еще есть сауна с крытым бассейном. В общем, отдохнуть там можно было как в лучшем санатории. И на теплое море потом ехать вовсе не обязательно – сразу можно выйти на работу. Если она сама не выйдет на меня.

Я уже почти заснул, когда вдруг услышал знакомый громкий голос. К нам обращался тот самый офицер, что вышел встречать нас в переходном шлюзе. Тогда он рассказывал нам про радиацию, а сейчас приглашал на обед. Приятная новость, но вовсе не удивительная, а изумило меня то, что «советский капитан» Болгаров звал нас в общую столовую с экрана включившегося вдруг телевизора, который, оказывается, был составной частью действующей здесь системы оповещения. Неплохо, кстати говоря, придумано.

Сначала с лица офицера сошла дежурно-дружелюбная улыбка, а затем исчез и он сам. На экране телевизора его сменило известное лицо ведущего «Других новостей», который с фирменной своей улыбкой рассказывал что-то про метро. Я прислушался. А еще пришлось всматриваться в экран, потому что качество изображения было, мягко говоря, неважное.

– Станция «Волоколамская» построена в одна тысяча девятьсот семьдесят пятом году; это единственная станция-призрак, которую могут наблюдать пассажиры подземного поезда.

Камера вплотную приткнулась к окну вагона, и я в замедленной съемке хоть и смутно, но увидел стены неосвещенной станции и зал без всякой отделки.

– Ведомственная инструкция рекомендует машинистам проезжать эту станцию на максимальной скорости, чтобы пассажиры не догадывались о ее существовании. А она существует и расположена в перегоне между станциями «Шукинская» и «Тушинская». Как существуют и другие станции-призраки, совершенно скрытые от посторонних глаз. В следующей передаче мы расскажем о подземных транспортных сооружениях мобилизационного предназначения, известного в народе, как «Метро-2».

Ведущий переключился на следующую тему, и только тогда Валера подал голос.

– Знаю я эту станцию, каждый день мимо проезжаю, только видно плохо. Да и ничего особенного там. Темно, пыльно. Ни ходов там, ни выходов. И с засекреченным метро она никак не связана... Не для того это метро засекречивали, чтобы в него так просто можно было попасть.

– А если непросто? – насмешливо сказал я, пропуская его на выход из кубрика.

– А за «непросто» и по голове получить можно. Да еще и пробраться туда нужно. Не думаю, что журналисты будут рисковать. Может, старые кадры покажут. Ну, раньше снимали про это метро. Шахты там, рельсы... Там, говорят, рельсы бесконтактные, и в бетон уложенные, ну, чтобы не только поезд, но и машина могла ехать...

– Еще про танковый завод расскажи, – насмешливо посоветовал я.

– Что за танковый завод?

– Ну, там же, под землей расположен. Чтобы танки во время войны выпускать. И мобилизационный резерв там – две тысячи законсервированных танков.

– Да нет, ерунда это, – озадаченно мотнул головой Валера. – Зачем танки под землей?

– Там транспортные коммуникации есть, в случае войны танки на поверхность выйдут.

Мой голос звучал совсем не убедительно, потому что я и сам не верил в существование танкового завода. Даже не помню, от кого я о нем слышал. А может, читал... Но слишком уж все это на вымысел смахивает. Танковый завод – не избушка на курьих ножках, так просто под землей его не спрячешь. Да и кому нужны танки после того, как мир сгорит в ядерном огне...

А может, и нужны. Может, придется еще повоевать в условиях радиоактивного заражения. Есть такая старая и не очень веселая песенка на музыку из «Голубого вагона». «Ядерный грибок стоит, качается, жесткость радиации растет. Танки США прекрасно плавятся, и зачем их выпустил завод?»... Только и наши танки тоже расплавятся. Те, что на поверхности. А те, которые под землей, могут продолжить войну... Но все это теория, и слишком уж затратное это дело – подкреплять ее практикой. Хотя всяко может быть...

Стены в столовой были выкрашены в успокаивающий зеленый цвет, но качество работы могло вызвать раздражение. Как будто уборщица тетя Клава макнула швабру в краску с ведром и одной рукой размазала ее по стенам. Будь стены наружными, с выходом во внешнюю среду, эту малярную вязь можно было принять за камуфляж, но ведь они внутренние, и маскировать их вовсе незачем. И еще освещение в столовой было тусклым, отчего сидевшие за столами, а также входившие в зал люди казались бесплотными обитателями мира полутеней. Впрочем, это не помешало мне разглядеть двух наших запропастившихся соседей. Они занимали одну половину дощатого четырехместного стола, а другая была свободна. Я решил присоединиться к ним, а Валера тенью последовал за мной.

– А-а, соседи! – хоть и вяло, обрадовался нам крепкого сложения приземистый мужчина лет пятидесяти.

Он был спокоен, но брови его были приподняты, как у изумленного человека. Видимо, это было его обычное выражение лица, поэтому вертикальные морщины глубокими бороздами прорезали высокий лоб. Нос у него крупный, но вздернутый, как будто от его кончика к поднятым бровям тянулись невидимые ниточки. Губы пухлые, подбородок широкий, будто раз-

дутый. За столом он сидел основательно, как уверенный в себе хозяин крестьянского дома в ожидании честно заработанного обеда.

– А мы тут ходили, смотрели!

Зато его сподвижник был более щедр на эмоции. И широко улыбался, глядя на меня. И еще в его взгляде смутно угадывалось чувство вины, как будто он поступил неправильно, что не зашел за нами, не позвал на обед.

Внешне он очень напоминал своего соседа – такой же приземистый, хотя чуть менее крепкий на вид, и черты лица те же, только брови не вскинуты вверх, и нос не так сильно вздернут. Он был примерно моего возраста и по этому критерию не годился своему спутнику в сыновья. Но ведь эти двое могли быть братьями, один лет на десять старше другого. И судя поговору с нажимом на «о», приехали они в Москву откуда-то с северных или восточных областей. Может, из Кирова, а возможно, из Вологды.

– Интересно? – спросил я, усаживаясь за стол.

– Очень. Такое ощущение, что на самом деле война началась. Все там, наверху, погибли, а мы здесь живые... Все погибли, зато мы живые... Кстати, меня Леша зовут.

Я представился в ответ, а заодно познакомился и с его братом – Сахатовым Геннадием Ефремовичем, как представился самый старший из нас мужчина. Что ж, пусть будет по имени-отчеству, я не против.

А потом нам подали обед. Два молодых парня в солдатской форме советского образца и в поварских куртках быстренько разнесли дюралюминиевые бачки с горячим супом. Тарелки уже стояли на столах, осталось только наполнить их. Массивный черпак лежал в гуще ложек и вилок. Исподлобья глянув на меня, Геннадий Ефремович взялся за него. Видимо, решил, что в силу своего возраста может быть разводящим за столом. Как будто кто-то собирался бороться за это право.

Хлеба на столе не было, вместо него на тарелке лежали похожие на печенье галеты в шелестящей целлофановой обертке. И сам рассольник, как я понял, сварен был из концентрата, входящего в армейский сухой паек. Что ж, по-другому и быть не могло: в бомбоубежищах свежие продукты не хранятся.

Судя по внешнему виду и вкусу галет, изготовлены они были относительно недавно. Значит, и рассольник законсервировали не очень давно, точно не в сорок первом году. Но все-таки я какое-то время перемешивал его ложкой в поисках вареных червячков, как будто они могли там быть.

Геннадий Ефремович был далек от таких сомнений и ложкой орудовал, как мастер спорта по академической гребле веслом. И хлебцы у него на зубах трещали так, что у меня у самого вдруг разыгрался аппетит. Леша не отставал от своего старшего брата, хрустел, чмокал. От галет он откусывал над тарелкой, чтобы крошки падали в нее, а не тратились понапрасну. Что ж, крестьянская смекалка достойна уважения. Только Валера смотрел на него с хорошо скрытой насмешкой. Впрочем, он сам с жадностью наяривал горячий суп. Не знаю, нравился ли он ему на вкус, но ему точно нужно было согреться.

В зале было прохладно, поэтому кашу тоже подали не сразу, чтобы она не остыла. Это была перловка с мясом, опять же из аварийного запаса продовольствия. Кашу выковыряли из консервных банок, смешали с кипятком, разогрели на паре – вышло, надо сказать, совсем неплохо. Это уж куда лучше, чем выколупывать холодную затвердевшую кашу из банки.

На третье был компот в пластиковых стаканчиках, знакомых мне по службе в армии. Только вкус порошкового компота мало напоминал мне напиток из сухофруктов. Вода с химическими вкусовыми добавками. Зато горячая.

– А что, жить можно, – с довольной улыбкой Леша неторопливо, круговым движением погладил себя по брюху.

– Что там полагается после сытного обеда? Ну, по закону Архимеда? – глядя на меня, весело спросил Валера.

По закону Архимеда после сытного обеда полагалось поспать. Это я знал, но игру не принял.

– Полчаса личного времени, а затем тренаж по защите от оружия массового поражения, – сказал я, вспомнив армейскую молодость.

– Не, мы после обеда сразу спать ложились, – покачал головой Леша. – У нас часть маленькая была, людей мало, а караул большой. По уставу не чаще чем через двое суток на трети можно заступать, а мы через день на ремень. С караула сменился, до обеда в мастерской, а после – сразу спать, к наряду готовиться...

– Ну, то к наряду. А нашему Валере жизнь медом кажется... Ты, Геннадий Ефремович, в армии служил?

– А то! На Байконуре. Старшина роты.

– А Валера не служил...

– Вот только «дедовщину» здесь устраивать не надо! – занервничал парень.

Столы вокруг опустели. Команды закончить прием пищи не было, но люди расходились сами. Как ни крути, а мы не личный состав и никому не подчиняемся. А неплохо было бы установить здесь армейский порядок, хотя бы для мужчин. И в форму можно было бы наряжать, и утренний осмотр проводить, и занятия по ОМП не мешало было бы организовать с практическим тренингом. Норматив № 1 – надевание противогаза, № 2 – пользование неисправным противогазом, № 3 – ОЗК, № 4 – действие по вспышке. Хотя последний норматив можно было бы и опустить. Мы же глубоко под землей, и нам вовсе ни к чему ложиться ногами по направлению к вспышке. Да и женщины, как правило, не совсем точно выполняют команду «Ложись!». На спину почему-то ложатся. Но это если верить армейскому прапорщику с его грубыми остротами.

Кстати говоря, среди нас я насчитал трех женщин. Две молодые, и одна уже в возрасте... А Оксана почему-то отказалась, хотя и могла бы сейчас проводить здесь время на пару с Костей. А я бы сейчас делами своими занимался. Вчера мне звонили, просили человека найти, а я отказал. Потому что из-за Катюшки отпуск взял. А ведь пользу мог кому-нибудь принести. Специализация у меня такая – людей пропавших искать. Хотя, честно говоря, чаще всего приходится чьих-то развратных жен выслеживать, ну иногда мужей. Если, конечно, хорошо платят. Ради спортивного интереса я такими делами не занимаюсь. А если пропавшего человека нужно найти, тут я могу и на бесплатную работу согласиться – если, конечно, клиенту повезет застать меня абсолютно трезвым: ведь мне в таких случаях за правду и умереть не страшно, не то что в деньгах потерять...

3

Загадка – что такое живая белесая жижа под прозрачным панцирем? Ответ можно найти в сыром отсеке спрятанного глубоко под землю бомбоубежища. Не знаю, повезло мне в том, что я его нашел, или нет. Скорее, второе. Дело в том, что я, как всякий нормальный человек, терпеть не могу мокриц, которая сейчас ползла по стене, выбравшись из-под моего ложа. Прозрачные рожки, такие же ножки... Брр! Даже прищелкнуть ее пальцем не могу, потому что брезгую. Да и зачем ее убивать? Все-таки тварь божья. А вдруг у нее даже душа есть? Может, какой-нибудь грешник реинкарнировался в эту мерзкую букашку? Может, и моей душе предназначено быть заключенной в прозрачную оболочку мокрицы?..

Мой тезка Платон знал толк в науке о переселении душ. На этот счет у него была своя теория. Если ей верить, то чистая душа живет на небесах, затем – непонятно, правда, по какой причине – падает на землю и облачается в тело человека, высшим образом которого, разуме-

ется, является философ. Знания философа должны достичь совершенства, только тогда его душа может вернуться обратно на небо. Но если бедняга запутался в своих суждениях, материальных желаниях, то деградация его души неизбежна, и в своем грядущем воплощении он родится в облике животного. Обжоры и пьяницы могут стать ослами, необузданные и справедливые люди – волками и ястребами; те, кто слепо следует всякого рода условностям, вероятнее всего родятся пчелами и муравьями. Впоследствии в процессе духовной эволюции душа снова возвращается в человеческую форму, чтобы снова попытаться достичь совершенства. Такой вот мудрый у меня тезка. Только я, наверное, глупый, потому что не могу понять, какая может быть духовная эволюция у осла. А как мокрица может поднять свой духовный уровень? Неужели тем, что с пола по стене может подняться под потолок?..

И само бессмертие души Платон доказал очень оригинально, в пользу чего привел как минимум четыре аргумента. Первый исходит из существования противоположностей, таких как сон и бодрствование, жизнь и смерть. Если человек спит, значит, он должен проснуться. Если человек умер, значит, его душа должна ожить. Такая вот логика. Вторым аргументом я считаю более убедительным. Время от времени все мы обнаруживаем знания, которые не могут быть получены из опыта, мы припоминаем их из нашей прошлой жизни, утверждает Платон. Пospорить здесь можно, но это уже не явная схоластика, как в первом, да и в остальных, в общем-то, случаях. В третьем своем доказательстве бессмертия души Платон снова переливает из пустого в порожнее. Тело, по его мнению, тяготеет к распаду и обладает характеристиками телесного мира, душа же безвидна и стремится к единству. Пока тело и душа связаны между собой, одно единит и сохраняет другое. Если же человек умрет, то тело его и душа должны последовать своей естественной тенденции: одно – разрушиться, а другое – воспарить к миру безвидного и единого. Ну и четвертый аргумент также по-своему интересен. И здесь все те же борьба и единство противоположностей. Четное число не может стать нечетным, справедливое не может принять несправедливость. И главное, по словам Платона, душа не принимает смерти. Отсюда вывод: душа бессмертна...

Был у нас в части один прапорщик, тоже философ, так у него тоже своя теория имелась. Вот видите, говорил он, одна казарма в два этажа, а другая в три; на одной крыша железная, а на другой шиферная; одно здание сложено из кирпичей, другое – из блоков. Так вот и в жизни, говорил, люди живут и умирают, живут и умирают... М-да...

Только прапорщика Силуянова я не очень уважал. Потому что ел много и по части выпить большой любитель. А Платон, можно сказать, мой учитель. Я хоть и могу оспорить его некоторые доводы, но чаще всего тупо с ним соглашаюсь. Может, и не поговорю с ним никогда с глазу на глаз после смерти – он-то на небесах философом, наверное, работает, а мне, возможно, быть там ишаком. Я хоть и считаю себя малопьющим, но, как ни крути, пьянство – мой порок. Как бы не оказаться после смерти с прапорщиком Силуяновым в одной ослиной упряжке.

– Блин, тут всего две программы! – вывел меня из раздумья Валера. – Первая и вторая! Он стоял возле телевизора и с щелканьем крутил пластмассовую вертушку переключателя.

– А раньше только так и было! – вспомнил Леша.

Комната была рассчитана на восемь человек, но нас четверо, и все обустроились на нижнем ярусе нар. Валера заранее выбрал себе ложе поближе к телевизору, как будто знал, что он работает. Но если он об этом знал, почему его удивляет, что транслируются всего два канала?..

Я тихонько хмыкнул, насмехаясь над самим собой. Какая мне разница, знал парень про телевизор или нет? А если знал, что здесь такого?.. Отключать голову, чтобы она не работала вхолостую. Отдых ей нужен, а мне – здоровый сон. Все равно без дела маемся, будет хоть чем-то время убить. Приму пару глотков на грудь – и спать.

Первый канал показывал какое-то безликое ток-шоу, второй – сопливо-мыльную оперу из цикла «Любовь без любви от любви с любовью».

– Кому это интересно? – спросил Валера.

Мы ответили ему тишиной, он правильно все понял и выключил телевизор.

– Лучше поспать, – подтвердил правильность его решения Леша.

– Всем нельзя, – покачал головой Валера.

– Почему?

– Освещение здесь не очень. А это плохо. Это же подземелье, здесь призраков полно.

Я усмехнулся. Еще не вечер, но, в сущности, здесь, под землей, всегда ночь, поэтому и потянуло парня на байки перед сном.

– Какие призраки?

Но судя по дрожанию голоса, Леша воспринял прелюдию к байкам всерьез.

– Ну, неприкаянные души. Когда метро строили, на древние захоронения натыкались. Кости там, черепа. Их бы заново похоронить, ну, чтобы честь по чести – ан нет, их в кучу складывали и закапывали в сторонке. Ну, потревоженные души теперь не знают покоя...

– Да ладно тебе врать! – замороженно протянул Леша.

– Чего я вру? Сам лично видел, как парень с эскалатора скovyрнулся. Стоит себе, никого не трогает, а тут раз, как будто кто-то невидимый его в спину толкнул. Он сначала на ногах удержался, огляделся, смотрит, никого позади. Только успокоился, как его снова в спину толкнули, да так сильно, что он кубарем потом со ступенек катился... Да это еще ерунда! У меня друг видел, как девчонка под поезд упала. Стоит себе, поезд ждет, он подъезжает, а кто-то невидимый ее сзади раз!.. Рельсы потом три дня от крови отмывали... Сейчас если останки находят, их уже нормально, с отпеванием хоронят. Но те души, что неприкаянные, они же вечные...

Валера уже лег под одеяло, но его больше не колотило изнутри, как прежде. И коньяк его согрел, и обед, и еще он возбуждился от собственного красноречия. Или словоблудия?

– А еще своих покойничков хватает. Кольцевую линию в метро заключенные строили; сам знаешь, их не особо щадили. Их там по десятку в день умирало, прямо в шахтах и хоронили. Яму выроют, замуруют, и все дела. Так вот сейчас раз в месяц по Кольцевой поезд проходит. Ну, есть «Летучий Голландец», корабль такой, а это поезд, с призраками в вагонах. Ну, эки-призраки, в серых робах, а локомотив без машиниста, да. Поезд этот на станциях останавливается, но двери не открываются. А если вдруг открылись, то бежать надо от этого поезда... А еще Черный машинист по метро ходит. Там поезд загорелся, он пассажиров спасал, сам обгорел, в больнице умер. Так начальство его еще и виноватым сделало. Теперь он по тоннелям ходит, начальников своих ищет. А поздно ночью его можно на пустынных станциях встретить. Только он совсем не опасен. Ну, если ты в метро не работаешь. А на человека в форме может и наброситься... Леша, ты же в метро не работаешь?

– Да какое у нас в Яранске метро? – озадаченно-напряженным голосом отозвался парень.

– Ну, может, просто на железной дороге работаешь? – не унимался Валера.

– Ну, работал когда-то... Давно еще, сразу после армии. Проводником устроился, на Дальний Восток ездил. Только не понравилось мне...

– А форму носил?

– Ну, когда требовали, носил... А что?

– Да нет, ничего... Все-таки давно это было, – прижав указательный палец к подбородку, задумчиво покачал головой Валера.

– Да и мы сейчас не в метро! Чего бояться? – с чувством облегчения громыхнул басом Леша.

– Почему не в метро? Все, что под Москвой – все метро. Ну, если там коллекторы не считать, подземные ходы всякие, каменоломни, карстовые полости... А так все – метро. Обычное метро есть и секретное, все взаимосвязано. Мы сейчас в секретном метро находимся, в

бункере, который связан с другим бункером. А чем связан? Понятное дело, секретной линией метро.

– Не надо ля-ля! Мы с Геной ходили, нет здесь никаких линий метро, – не очень уверенно возразил Леша.

– Что, и дверей никаких нет, наглухо закрытых, да?

– Ну, есть такие двери. Не все же комнаты открыты. И вход сюда наглухо закрыт. И еще выход, ну, аварийный. Мы с Геной по схеме смотрели, там аварийный выход.

– И с чем он связан, этот аварийный выход?

– Ну, со вторым и третьим блоками.

– А дальше куда идет?

– Не знаю, может, наверх...

– А может, и вниз... А может, и наверх, если станция выше уровнем... Тут же все по уровням, что-то выше, что-то ниже, а так все в одной системе. Даже танковый завод есть, – заговорщицки глянув на меня, сказал Валера.

Видно, понравилось ему на нервах у Леша играть... Надо сказать, что мне самому стало немного не по себе, когда он рассказывал про привидения. Понимал, что это байки из склепа, но все равно вдруг засосало под ложечкой.

– И еще секретные лаборатории, – продолжал востроносый. – Там опыты над людьми ставили...

– И что? Люди умирали, их замуровывали в шахтах, а их души где-то рядом, да? – Леша попытался поднять его на смех, но голос его предательски дрогнул.

– Да нет, дело не в душах. А в диверсантах. Метро большое, через него можно в Кремль выйти, на Лубянку, в общем, много куда. Представляешь, проникла группа вражеских диверсантов в метро, притаилась там, сидит, ждет своего часа. А потом – раз, и все высшее руководство страны к ногтю. Короче, в КГБ решили эксперимент провести, как долго человек под землей может находиться. Ну, собрали добровольцев... А может, и не добровольцев... В общем, собрали их вместе, закрыли в бункере, месяц держали, два... Кто-то раньше с ума сходить стал, кто-то позже. Последний через полгода свихнулся...

– И что? Хочешь сказать, что никто не может долго под землей находиться? Так мы и не собираемся здесь долго сидеть. Через три дня дома будем...

– Ты-то будешь, а как тем быть, кто с ума сошел? Они ж в той лаборатории так и остались. Их бы на лечение отдать, а над ними новые опыты ставить стали. Слышал что-нибудь про техногенное зомбирование?

– Ну, про зомби слышал, – припомнил Леша.

– Мы сейчас все зомби, нас через двадцать пятый кадр зомбируют. Крутят по телевизору всякую муть, а там двадцать пятый кадр; через него нам и внушают, что нужно жить мирно, тихо, Родину любить, правительство почитать, все такое прочее. Но это совсем уже мягкое зомбирование, массовое, далеко не самое опасное. А есть еще жесткое зомбирование. Человеку полностью выносят мозг, в смысле стирают с него старую информацию и вбивают новую. Для этого специальные приборы есть – излучатели, гипноз, психотропы, еще что-то там. В общем, человека превращают в настоящего зомби. Скажи ему «фас», и он любого порвет. Но такого зомби легко вычислить. Ну, глаза там стеклянные, отрешенный взгляд, бесцветный голос, разбалансированные движения, заторможенные реакции, провалы в памяти, все такое. Поэтому спецслужбы обычно прибегают к мягкому зомбированию. Для этого существуют особые методики, насколько я знаю, их всего две – техногенная и психогенная. Первая – это генераторы психотронного излучения, для военных целей. Сидит враг в бункере, а на него – раз, и облучатель направили. Психотронные волны проникают через бетон, подавляют психику, врагу внушают, что надо сдаться, и он тянет руки вверх. Ну и телевизор, Интернет, кино, видео – тоже могут воздействовать на подсознание... Ну я уже говорил. Есть еще второй метод, психоген-

ный: это когда на твоё сознание воздействует гипнотизер. Он действует более тонко, чем при жестком зомбировании; там целая система охмурения, несколько ступеней, по которым ты с ним пройдёшь, пока не превратишься в его раба. В сектах такие уникалы живыми пророками становятся, даже богами. Что такое само по себе религиозный обряд – это та самая система, которая человека зомбирует. Монотонное повторение текстов, медитации, раскачивания, специальные диеты под видом поста, недосыпание... Короче, человека выбивают из привычной колеи, а затем направляют в новую, которая ведёт к светлому будущему основателя секты. Люди добровольно жертвуют ему все свои ценности... Военные тоже так работают, только ещё психотропы всякие используют, наркотики. В Японии летчиков-камикадзе по такой программе готовят, а в Штатах спецслужбы убийц готовят. И террористов-смертников по той же штатовской методике готовят, они потом тут у нас рвут и мечут. И наши спецслужбы не спят, у них тоже свои зомби. А где их готовят? В подземных лабораториях... Из психов тоже зомби пытались сделать, а не вышло. Сбежали они. Может, ходят где-то по тоннелям, на людей бросаются. Как бы сюда не забрели...

Валера прочел целую лекцию; может, где-то он говорил сбивчиво, местами чрезмерно тянул паузы, но в целом смог произвести впечатление. Я не только заслушался, но даже представил, как в темных лабиринтах подземелья кружком на полу сидят люди в полосатых пижамах, а в центре над ними возвышается человек в белом халате и о чем-то вещает им ритмичным и монотонным голосом. А они слушают его, их глаза стекленеют... Но и все на веру я принять не мог.

– Скажи, про зомбированных психов ты загнул? – со снисходительной насмешкой спросил я.

– Ну, что-то вроде того, – школиво улыбнулся парень. – Я не знаю, что с ними было. Просто слышал, что был такой эксперимент, а куда этих сумасшедших дели, не в курсе. А может, и не было ничего, может, байки все.

– И про зомби тоже байки?

– Может, и байки, а может, нет. Ходят слухи, что спецлаборатории существовали, а какие эксперименты в них ставили, точно никто не знает. Одни только догадки. А то, что людей зомбировать можно, так это всем известно...

– Всем известно, – кивнул взбодренный Леша. – Всем известно, что сказки все это.

– А темные силы – тоже сказки? – оцетинился Валера.

– Все сказки – и темные силы, и твои привидения.

– А ты знаешь, в чем заключается высшее достижение темных сил? Им удалось убедить нас в том, что они существуют только в сказках – в этом их высшее достижение! Мы думаем, что темные силы – это вымысел, ну, в лучшем случае, суеверия, а они реально существуют, понял? И здесь в любой момент могут появиться! – с блеском одержимости в глазах предрек парень.

– Валер, может, коньячку? – спросил я.

Похоже, парень разошелся не на шутку, и надо было успокоить его, пока Леша не разошелся. Слишком уж он дерзко с ним разговаривал, а тот хоть и производил впечатление добряка, мог и сорваться. А мужик он крепкий, кулаки у него рабоче-крестьянские...

– И мне! – обрадовался Леша, увидев, как я достал из сумки бутылку коньяка.

Геннадий Ефремович ничего не сказал, но губы облизнул, и в глазах замаслился откровенный интерес.

Емкость бутылки – ноль семь литра, и коньяка в ней больше половины, а какое качество! Но, в конце концов, наверху война, и мы должны крепить боевое братство. Может, выдадут нам завтра оружие, оденут в общевойсковой защитный комплект и отправят в радиоактивную зону ловить каких-нибудь диверсантов. И неважно, что это будет всего лишь игра.

– Говорят, запах коньяка отгоняет нечистую силу, – в шутку сказал я.

– Ну да, как чеснок отгоняет вампиров, – подсаживаясь ко мне, кивнул Валера.

– Только вампиров нам здесь не хватало. – Леша поставил на мою тумбочку бутылку водки.

И у этого глаза горят, как у старшего брата. Геннадий Ефремович уже тащит в мою сторону свою табуретку. И как объяснить им, что я не смогу составить им компанию? Максимум, один тост поддержу, а потом – ни-ни. Буду только слушать пьяный разговор, время от времени вставляя в него свое слово. Такой уж я малопьющий.

Но объяснять ничего не пришлось. В комнату вдруг ворвался ряженный капитан Болгаров с искаженным от волнения лицом. Леша инстинктивно смахнул с тумбочки бутылку, на которые тот, кстати говоря, не обратил никакого внимания.

– Телевизор включайте! – чуть ли не закричал он.

И, не дожидаясь, когда мыотреагируем на его просьбу или даже приказ, сам нажал на тумблер включения.

– Экстренное сообщение! – выбегая из отсека, крикнул он.

И действительно, лицо телевизионного диктора выражало тревогу. Знакомое лицо на знакомом фоне новостной студии. Изображение расплывалось, горизонтальные полосы растягивали его вверх, но все равно можно было понять, что волнение женщины неподдельное.

– Как нам передали из Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, правительство США жестко отреагировало на несанкционированный пуск ракеты с борта подводного крейсера «Тула», – напряженно, скороговоркой чеканила она. – По сообщению из военного ведомства, ракета была оснащена неядерной боеголовкой, самоликвидация произошла до вхождения в воздушную границу США. Но все-таки Белый дом распорядился нанести по территории Российской Федерации ответный ядерный удар. Спутники системы раннего обнаружения ракетного нападения зафиксировали несколько пусков с территории США, а также из вод Мирового океана...

Диктор вдруг исчез с экрана вместе со всей студией, а на его месте появился молодеватый усач в форме полковника МЧС на фоне российского триколора и громовым, торжественно-похоронным голосом выдал:

– Внимание всем!.. Внимание! Говорит штаб по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям! Граждане, воздушная тревога! Воздушная тревога!.. Просьба не поддаваться панике и следовать следующим инструкциям. Гражданам следует отключить свет, газ, воду, погасить огонь в печах. Взять средства индивидуальной защиты – ватно-марлевые повязки, респираторы, противогазы, документы, запас продуктов питания и воды на три дня. Предупредить соседей, оказать помощь больным и престарелым, выйти на улицу и укрыться в защитных сооружениях, в подвалах жилых зданий или складках местности.

– Внимание всем!.. Внимание! Говорит штаб по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям! Граждане, воздушная тревога! Воздушная тревога! Воздушная тревога!..

Я слушал и смотрел с открытым ртом. Никогда еще телевидение не производило на меня столь сильного впечатления, как сейчас. Ракетное нападение, воздушная тревога. Неужели все это – правда?

Слуховой нерв, как антенна, поймал идущий откуда-то из прошлого голос Высоцкого.

Граждане, воздушная тревога!
Граждане, спасайтесь ради бога!
Майки, трусики берите —
И в убежище бегите, —
Занимайте лучшие места.

На самом деле Высоцкий никогда не исполнял эту песню. Но даже если бы она и звучала из его уст, при всей своей мощи обаяния, он бы не смог наваять на меня тот страх, который внушал полковник с экрана. Даже исполненная на всем нерве великого барда, эта песня не шла ни в какое сравнение с той пугающей энергетикой, что несло в себе известие о воздушной тревоге.

Сам полковник не чувствовал той тревоги, которую испытывал я. Голос его звучал грозно, но в нем совершенно не было волнения. Видимо, объявление давали в записи. Когда полковник предупреждал о воздушном нападении, он не знал, что это уже произошло. И все равно, моя душа затрепыхалась в тисках животного страха.

Первым на происходящее отреагировал Валера.

– Мама! – истошно заорал он, бросаясь к двери.

– Куда ты, черт возьми? – Леша сгреб его в охапку, повалил на мой лежак.

– Пусти, козел! Мама там наверху! Мама там! Я должен забрать ее сюда!

Леша ослабил хватку. И Валера ужом выкрутился из его медвежьих объятий, выбежал в коридор и тотчас исчез из вида.

Геннадий Ефремович сидел на табуретке словно каменное изваяние. Глаза расширены, рот приоткрыт, кулаки он держал на коленях и сжимал их так сильно, что побелели костяшки пальцев. Наверняка и у него семья там наверху. И Леша должен кого-то спасти. Да и я был бы только рад, если бы все мои дети были сейчас со мной, здесь, в надежном убежище. Хорошо бы и маму с отцом сюда доставить. И бывших жен...

Но даже из глубины транса, в котором я оказался, мне было понятно, что это нереально. Оксана с Катей могут спрятаться в подвале своего дома – он глубокий, там должны быть запасы воды и провизии... Ирина с Женей сейчас на севере Москвы, Наташа с Леной – на юге. Все они далеко, и найти их нереально. Наверняка они уже получили сигнал тревоги, мечутся сейчас в поисках спасения. Впрочем, есть обычное метро, на станциях и в тоннелях которого можно укрыться от ударной волны и проникающей радиации. А родители мои живут под Рязанью, в сотнях километров от Москвы, у них свой дом в поселке, погреб там глубокий...

Позвонить я никому не мог, потому что сотовая связь здесь недоступна, а обычный телефон наверняка занят. И очередь перед ним, и линия перегружена, как в первые часы новогодней ночи.

А что, если кто-то из моих бывших жен находится сейчас в пределах Садового кольца? Что, если кого-то из них направят в наш бункер? Здесь же не только военное, но и гражданское бомбоубежище, которое наверняка включено в план эвакуации населения. Да и первые два блока могут принять людей. Свободных помещений здесь хватает, воздух поступает хорошо, имеется запас воды и провизии. Персонала, правда, недостаточно. Ряженого капитана и нескольких его помощников хватает на то, чтобы обслуживать нас, туристов. А чтобы принять и разместить не одну сотню насмерть перепуганных людей, их усилий наверняка будет мало. Значит, нам нужно стать их добровольными помощниками. А заодно я смогу взять под свою персональную опеку кого-нибудь из своих. Чем черт не шутит? То есть ядерная бомба...

Последняя мысль растормошила меня. Я вышел из кубрика и направился к главному входу, где обнаружил Болгарова, который пытался унять беснующегося Валеру. Парень что есть мочи барабанил в закрытую дверь, сбивая в кровь кулаки. Болгаров пытался оттащить его, но тот проявлял завидное упорство.

– Откройте дверь, сволочи! Откройте! – рыдал он.

Я схватил Валеру за шкуру, развернул к себе лицом и не сильно, но со смачным шлепком вlepил ему пощечину.

– Истерику прекрати!

Парень успокоился, взгляд его обрел здоровую осмысленность.

– Нельзя же так! – с укоризной глядя на него, покачал головой Болгаров.

Пряжка со звездой на его португее сбилась набок, ворот куртки расстегнут на три пуговицы, и сам он имел бледный вид. Растерянный, напуганный... В таком состоянии он не способен был навести порядок.

– Дверь почему закрыта? – жестко, чтобы встряхнуть его изнутри, спросил я.

– Как почему?! Воздушная тревога! Вы же слышали!

– А людей принять? Сверху люди к нам спускаться будут... Или нет?

А вдруг эта воздушная тревога всего лишь красиво разыгранный спектакль? Для большей, так сказать, остроты ощущений...

– Эта сволочь нарочно заблокировала дверь! Испугался, гад! – заорал на Болгарова Валера.

К нам подтягивались шокированные люди. Разговор шел на повышенных тонах, и никто из них пока не пытался встрять в него.

– Заблокировал?! – гневно глянул я, еще не понимая всей полноты этого действия.

– Да, с пульта, – жалко кивнул «капитан».

Он был реально напуган и подавлен, значит, нет никакого театрального представления. Да и теледиктор – известный человек, она бы не стала подыгрывать устроителям «трехдневной войны». А если бы и помогла им, то за такие деньги, что эти убытки не смогла бы покрыть выручка от продажи билетов.

– Так разблокируй!

– Не могу! – мотнул головой Болгаров.

– Не может, – подтвердил подошедший «лейтенант» в таком же полевом «пэша» и в португее с более современной пряжкой, без довоенной звезды. – Дверь блокируется на две недели, и в течение этого времени открыть ее невозможно ни снаружи, ни изнутри.

– Э-э, а у нас через две недели... – жалко протянул мужчина в панаме с пальмами.

Но сам же себя и оборвал, осознав нелепость своих планов на будущее.

– На Гавайях Перл-Харбор, там сейчас Тихоокеанский флот США. Интересно, мы выпустили туда ракету? – подавленно спросил мужчина в тельняшке под охотничьей курткой.

Но ему никто не ответил. Людей сейчас мало интересовало, смогут ли стратегические ядерные силы России нанести сокрушительный удар по Америке. Все сейчас думали о себе и своих родственниках, оставшихся наверху.

Я заметил, как худощавый седовласый мужчина в профессорских очках бережно привлек к себе свою спутницу, миловидную и ухоженную женщину лет сорока. Наверняка это была его жена, и он радовался, что в столь страшный момент находится вместе с ней. Но радости в его глазах не было: видимо, наверху остались их дети. И женщина от сильного волнения была белой как мел.

Напуганный «гаваец» тоже держался за свою девушку, которая стояла, плетью опустив руки и свесив голову на грудь.

Валера сидел на корточках, спиной опираясь на закрытую дверь. Он рыдал, закрыв лицо ладонями.

Будь я художником, можно было бы мысленно набросать эскиз картины, в которой бы выразилось отчаяние, душевный надрыв и боль попавших в безнадёжную ситуацию людей.

Впрочем, ситуация не так уж и безнадёжна, как могло показаться. Ядерная война уничтожит сотни миллионов людей, но жизнь все равно продолжится. Мы переждем опасность в надёжном убежище, со временем выйдем на поверхность... Но что мы там будем делать? Что, если придется воевать с американскими захватчиками?

– Хорошо, если мы удачно бросили валенок на пульт, – запоздало, но все же отозвался я. – Америку нужно уничтожить, или завтра здесь будут их солдаты.

– А если уничтожить Америку, завтра здесь будут китайцы, – скорбно покачал головой «лейтенант».

Выглядел он карикатурно. Маленький, полненький, с круглым, более чем в меру упитанным лицом. К тому же звезды на его плечах явно не вписывались в возрастные рамки. Ему явно за тридцать, а в армии лейтенант в таком возрасте смотрится как минимум подозрительно. Даже самые отъявленные неудачники к тридцати годам получают третью звездочку. Это в милиции сорокалетний лейтенант никого не удивляет, а в армии все по-другому. Во всяком случае, так было раньше...

– Тогда лучше американцы, – сказал «гаваец».

– А может, ничего не будет? – встрепенулась вдруг его девушка, с робкой надеждой глянув на «лейтенанта».

– Ну, я не знаю... – пожал плечами тот. – Вокруг Москвы развернута противоракетная оборона.

– Кстати говоря, единственная действующая в мире, – кивнул «моряк». – И на границах ПВО стоит, «трехсотки» там самые лучшие... Может, ни одна ракета не долетит до Москвы...

– Остается только надеяться, – развел руками «лейтенант».

– Будем надеяться, – вставил свое слово «капитан».

Но я так зло глянул на него, что он поспешил закрыть рот ладошкой. Из-за него сотни людей не смогут спастись от взрыва. Если, конечно, он произойдет... А вдруг пронесет?

Вдруг над головой что-то стукнуло. Я невольно вздрогнул. Да и все остальные пугливо вжали голову в плечи, решив, что это был отголосок взорвавшейся бомбы. Но «лейтенант» прояснил ситуацию.

– Дверь открылась, – подняв к потолку глаза, сказал он.

И я вспомнил, что над нами находится третий блок, гражданское бомбоубежище. Кто-то там открыл тяжелую входную дверь, которая, стукнувшись о стену, произвела этот шум. Я прислушался и смог уловить топот ног. Похоже, зал над нами заполнялся людьми. Что ж, хоть кто-то сработал как надо.

– Что-то я не пойму, – глянув на Болгарова, почесал я затылок. – Если дверь заблокировалась, почему третий блок открыт...

– Так только наша дверь заблокировалась, – с грустью неудачника отозвался тот.

– Заблокирован доступ в секретное учреждение, – добавил «лейтенант».

– В узел связи... А как же связь поддерживать, если все заблокировано?

– Так связь же не фельдъегерская. Проводная связь, радиосвязь.

– А если что-то сломалось, где запчасть брать?

– Ну, здесь раньше был склад ЗИП... Давно это было...

– А запасы на зиму? – спросил «гаваец».

– С этим у нас полный порядок, – совсем не весело улыбнулся «лейтенант». – На месяц хватит...

– Всего на месяц?

– Ну, мы же коммерческое предприятие, на своих запасах. Для клиентов сухой паек держим... Никто ж не думал, что реальная война может начаться... Там да, там реальный запас. – «Лейтенант» снова вознес глаза к потолку. – Годовой запас на триста человек... Через две недели дверь откроется, и мы сможем получить доступ к этому запасу. Если, конечно, с нами захотят поделиться. Там своя администрация будет, свои расчеты...

– А что, связи с этой администрацией нет? – спросил очнувшийся Валера.

– Есть. Телефонная связь есть. Мы, конечно, постараемся договориться, но не знаю, поймут ли нас...

– А запасной выход? – прозрел парень. – Есть же запасной выход! Я могу выйти на поверхность через запасной выход!

– Никуда ты не выйдешь, – покачал головой я. – Твоя мама уже спускается в метро, она там переждет взрыв... А может, и не будет никакого взрыва.

– Может, и не будет, – эхом отозвался Валера.

И в это время потолок содрогнулся так, что с него посыпалась пыль. И это не дверь открылась. Это было похоже на что-то гораздо более страшное.

– А-а! – затыкая уши, завизжала девушка «гавайца».

– Мама! – обхватив голову руками, опустился на корточки Валера.

– Кажется, случилось, – оторопело посмотрел на меня «лейтенант».

Лампочки над нашими головами вдруг замигали, а потом дружно погасли. Пространство вокруг нас погрузилось во мрак. И еще вдруг стало подозрительно тихо – это перестал поступать к нам воздух.

– Свет отключился, – услышал я голос «лейтенанта».

– Чего стоишь, аварийный включай! – шикнул на него «капитан».

– Так это там, наверху, включить должны. Там дизель.

– А как же аккумуляторы?

– Так они же не заряжены...

– Почему?

– Так это ж, команды не было... Наверх надо звонить, от них все зависит.

– Звони, давай, выясняй. Не будет света, я тебя брошу на съедение толпе.

Я горько усмехнулся, слушая этот разговор. Мало того, что нас оставили без света, так еще и толпой назвали. Но как это ни странно, «капитан» был прав. Свершилось самое страшное, что могло быть. Над нами рушится Москва, сгорают в огне, гибнут от радиации миллионы людей. Мы выжили, но теперь нам придется вести борьбу за существование. И к Платону обращаться не нужно, чтобы узнать, в кого превращает людей такая борьба. Скоро из нас ползут животные, и мы действительно можем превратиться в толпу, где существует только закон джунглей. Так что не зря «капитан» пугал «лейтенанта» толпой.

А может, взрыва все-таки не было? Может, над нами просто что-то взорвалось? Может, в бомбоубежище вслед за обычными людьми проник террорист? Он взорвал бомбу внутри, разрушив тем самым фильтровентиляционную и дизельную установки. Не будет электричества, начнут остывать батареи. А мы, напротив, начнем закипать... Лично меня такая перспектива не радовала...

Глава вторая

1

Трехдневный тур в подземелье стоил девять тысяч рублей. Не самая маленькая цена. И таких туров могло быть много, и каждый раз разыгрывалось шоу с «настоящей» атомной войной. А чтобы создать апокалипсический антураж, достаточно было одного экстренного выпуска новостей с участием телезвезды. Ей заплатили один раз, записали ее выступление на пленку, которой теперь терроризируют группу за группой. А проверить номер с полковником МЧС и объявлением воздушной тревоги еще проще. А то, что над нами что-то громыхнуло, могло быть обычным взрывом. Ведь это не так уж и дорого – установить в каком-нибудь помещении третьего блока бронированный ящик и в нужный момент взорвать в нем тротиловый заряд. Разрушений вокруг не будет, а пол содрогнется. А чтобы свет выключить и остановить подачу воздуха, ума много не надо.

Я лежал на спине, заложив руки за голову. И пытался склонить себя к выводу, что ядерная война была не более чем удачной инсценировкой. Но где-то на стыке мозговых полушарий, казалось, тонко вибрировал радиотранслятор, куда поступал сигнал из антенны в спинном мозге. Телепатический голос убеждал меня, что я напрасно надеюсь на лучшее, пытаюсь успокоить себя. Никто бы не стал брать на себя ответственность, подвергая риску нашу группу экскурсантов. В экстремальной ситуации возможно все, вплоть до убийств и суицидов. Тот же Валера мог в ярости застрелить «капитана» Болгарова. Если у него действительно в куртке спрятан пистолет...

Шумно зашуршала плащ-палатка – это кто-то стремительно зашел в наш отсек. Я включил фонарь, не так давно извлеченный из сумки, и увидел страдальческое выражение на лице Валеры.

– Телефоны не работают! Связи нет! Дизель чинят! Радиация наверху зашкаливает!.. Похоже, нейтронная боеголовка шарахнула! – скороговоркой отстрелялся он.

– Погоди, если связи нет, как ты про радиацию узнал?

Я должен был сомневаться во всем, только так я мог не просто нащупать зерно истины, но и вырвать его из вязких, засмоленных плевел, которые засорили мое сознание. Я должен был найти неопровержимое доказательство того, что стал жертвой чудовищной мистификации, только этим я смогу подавить сигнал, внушающий мне безысходность моего положения.

– С верхним этажом есть связь, там у них станция дозиметрического контроля, там пульт с детектором, а выносные блоки наверху. «Лейтенант» сказал, он там, у телефона... И дизель скоро починят...

– А что за выносные блоки?

– Ну, один блок гамма-излучение определяет, другой – бета-излучение, третий – альфа... Это я сам знаю.

– Из курса ОБЖ?

– Нет. Когда сюда собирался, читал.

– Зачем?

– Интересно было... И страшно... Я же сюда не хотел идти. Боялся. На полигоне в пейнтбол играть – пожалуйста. А под землей стремно. Пацаны под землю лезят, ну, каменоломни там, коллекторы, а мне страшно. Девушка подкалывает: мужик ты, спрашивает, или просто так выросло... А тут эта экскурсия... Черт меня дернул билет сюда взять! Думал, привыкну, а тут такое...

– Что, «такое»? – удивленно протянул Леша. – Радуйся, что жив остался.

– А мама! А Вика! Им же всё, кранты!

– Не переживай ты, они в метро спустились, – сказал я.

– Какое метро? Там нейтронка, по ходу, шарахнула! А это такая радиация, что пипец! Атомный взрыв – это пятнадцать процентов радиации, а нейтронный – восемьдесят пять. Радиация над нами триста тысяч рентген была! Триста тысяч! А станция метро – это необорудованное убежище, там нет герметичных дверей, кратность ослабления радиации, максимум, пятьсот. Они там шестьсот рентген получили, это почти стопроцентная смертность в течение одной недели...

– Да нет, Болгаров про тридцать тысяч рентген говорил, – разволновался я.

– Не было тогда ничего, поэтому и говорил. Тридцать тысяч рентген – это когда атомная бомба, а когда нейтронная той же мощности – это в пять раз больше. И еще от расстояния зависит... Боеголовка совсем рядом разорвалась...

– Вот я и спрашиваю, почему выносные блоки уцелели? Их бы взрывом расплавил.

– У нейтронной бомбы слабый взрыв, там больше радиация, поэтому и не расплавил ничего... Там всего пятнадцать процентов на энергию взрыва уходит. У атомной бомбы – пятнадцать процентов радиация, а все остальное уходит на разрушения; у нейтронной же все наоборот...

Валера говорил убедительно, но я слушал его вполуха. Голова была занята мыслями о родных и близких. От нейтронной бомбы в подвале не спрячешься. Там кратность ослабления совсем никакая. И метро, пожалуй, не самая лучшая защита... Неужели погибнут все, кто мне дорог?..

– А у нас какая радиация? – спохватился вдруг Леша.

– Ну, не знаю, не замеряли... Там, наверху, ну над нами, там замеряли. Там восемьдесят рентген... У нас, я думаю, меньше...

– Намного меньше?

– Да нет, почти то же самое. Ну, может, семьдесят рентген в час.

– А это много?

– Не очень. Человек чувствует недомогание и усталость. Как правило, обходится без серьезной потери трудоспособности... Ты вот почему лежишь? – хлестко спросил вдруг Валера.

– Так недомогание... Точно, недомогание какое-то! – взбудоражился Леша. – Чувствую, что-то не так. А это радиация! Твою мать!

А ведь и я чувствовал себя физически разбитым. Леню вставать, куда-то идти, лежать бы и лежать... А ведь это действительно радиация. И она витала в темном воздухе, насыщая плавающую в нем пыль, что хорошо была видна в луче фонаря. Радиация ионизировала клетки моего тела, разрушая хромосомы и угнетая жизненные процессы. Она убивала меня изнутри... И какой теперь смысл в чем-то изобличать Валеру? Да и незачем сжигать клетки головного мозга в топке мыслительных процессов, когда ясно уже, что ядерный взрыв – неоспоримый факт. И голос извне утверждал то же самое...

– Да ты не бойся, лучевая болезнь тебе не грозит. Не тот еще уровень, – сказал Валера. – От ста двадцати надо плясать, чтобы лучевую болезнь заработать, и то не у всех это бывает. Если у тебя организм крепкий, то тебе ничего не грозит...

– Да крепкий у меня организм! – встрепенувшись, сказал Леша. – Я на Крещение в проруби каждый год купаюсь!

– Значит, иммунитет хороший... Учти, радиация снижает иммунитет. Поэтому будь осторожен, чтобы простуду не подхватить. А то, я так понимаю, с медициной здесь так же, как и с электричеством, – заметил Валера.

– Да нет, в медпункте что-то есть, – не согласился Леша.

Я тоже заглядывал в медпункт, когда обследовал бункер. Со скидкой на подземное сооружение порядок там был образцовый. Стены обшиты пластиком, стеклянный шкаф, бинты в нем, жгуты, таблетки в упаковках, спирт в банке, какие-то мази. Ковер на полу, стол, стул, яркая осветительная лампа, плакаты в деревянных рамках. Только медсестры там не было.

– Блин, разберут же все! – хлопнув себя по лбу, Леша вскочил со своего лежачка и выбежал из кубрика.

И его молчаливый брат безмолвно последовал за ним.

– Да, ситуация, – уныло вздохнул Валера. – Я здесь, а мама там. И Вика с ней...

– Вика твоя невеста?

– Да нет, сестра родная... Невесты у меня нет.

– И не было?

– Да нет, была. Только скучно с ней вдруг стало... Да и ей со мной тоже.

– Ну, хоть какая-то взаимность.

– И не говорите...

Чувствовалось, что парень относился ко мне с большим уважением, чем к Леше, с которым я был примерно одного возраста. К нему он обращался на «ты», а ко мне на «вы». Но какое это сейчас имеет значение, когда мы все медленно накачиваемся радиацией?

– Ты понял, куда братья пошли? – с неприязнью к своим соседям спросил я.

– За лекарствами.

– Мародерничать они пошли. Боюсь, тут беспредел может начаться. Порядка нет, управлять нами некому, ситуация напряженная, мать ее анархию... Двумя ногами в бардаке стоим... Ты мне скажи, у тебя ствол боевой или травматический?

– Какой ствол?

– Который ты на груди держишь. Пистолет у тебя в кобуре, да?

– Откуда вы узнали? – удивился парень.

– Пуговица у тебя на куртке немного оттянута. И контур чуть-чуть просматривается, когда плечи расправляешь...

– Да нет, я смотрел, не видно ничего.

– Я, парень, одиннадцать лет в уголовном розыске прослужил... Что за пушка у тебя, спрашиваю?

– Да так, ничего особенного. «Вальтер» пневматический. Шариками стреляет...

Валера расстегнул куртку, вынул из карманной кобуры пистолет, протянул мне. Действительно «Вальтер», и правда пневматический.

– Зачем с собой взял?

– Да спокойней как-то, – пожал плечами парень.

– Он тебе не поможет. Если ты в меня, например, выстрелишь, только еще больше разозлишь. Поверь, в состоянии аффекта такой выстрел никто даже не почувствует...

– А если в глаз выстрелить?

– В глаз еще попасть нужно.

– А если так?

Валера достал из кармана какой-то предмет, вытянул руку, чтобы я осветил ее фонарем. Это был цилиндр глушителя, который он тут же неторопливо и с важным видом накрутил на пистолет.

– Был у меня случай, с придурком одним сцепился. Я глушитель на ствол накрутил и ему под ноги выстрелил. Как будто это бесшумный пистолет. Он как ломанулся от меня, только пятки сверкали.

– Значит, полный придурок был, – хмыкнул я. – Боевой пистолет с глушителем бесшумно стреляет, но у него затворная рама назад отходит. С характерным звуком. А в твоём пистолете этого нет...

Валера передернул затвор и выстрелил в потолок. Пневматический пшик действительно напоминал заглушенный выстрел, но затворная рама на пистолете даже не дернулась.

– Ну да, нету здесь такого, – приуныл парень.

– А чего ты переживаешь? В наших джунглях такой пшикалкой никакого не напугаешь. В нашем положении не пугать надо, а сразу на поражение стрелять. Ну, если вдруг что... Боевое оружие сейчас нужно. Хорошо, если я ошибаюсь – а если нет?

Я сунул руку под полу куртки, вынул из оперативной кобуры «макарыч».

Частному охраннику разрешалось иметь при себе служебное оружие, которое отличалось от боевого лишь ослабленной дульной энергией. А так ствол нарезной, и пуля настоящая. А частному сыщику по закону дозволялось иметь только спецсредства – шлем, бронежилет, резиновую палку и наручники. Даже травматический пистолет иметь нельзя. Частному детективу такое оружие не позволялось, поэтому я приобрел «макарыч» на правах обычного гражданина, разумеется, с соблюдением всех разрешительных формальностей. Такая вот петрушка у нас с законами. Была. Потому что ни петрушки теперь нет, ни законов. Есть только хаос, и сейчас он сверху спускается к нам.

– Боевой? – спросил Валера.

– Если бы, – с сожалением покачал я головой.

И в это время под потолком загорелась лампа. И воздух с едва уловимым шелестом посыпался из вентиляционного канала. Или дизельная электростанция заработала, или... Может, и нет никакой войны? Может, все-таки нас водят за нос?..

Я только собирался вернуть пистолет на место, когда в кубрик вбежал Леша. Глаза бешеные, под носом по лицу размазана кровь.

– Гады! Гады! – простонал он, в беспомощной злобе сжимая кулаки.

Увидев пистолет в моей руке, он испуганно попятился, столкнувшись в дверном проеме со своим старшим братом.

– Эй, ты чего?

– Ничего, – хмыкнул я, засовывая пистолет в кобуру.

– А я думал, стрелять будешь!

– За что, за мародерство?

– Какое мародерство? – Отодвинув младшего брата, помещение заполнил Геннадий Ефремович. – Ничего там нет, без нас все смели...

Он бросил на пол свернутый в рулон ковер.

– Только это и осталось... Ногам теплей будет...

– Хозяйственный ты мужик, Геннадий свет Ефремович... А чего брата не уберег?

– Да я сам себя не уберег! – тряхнул головой Леша. – Даже не понял ничего! Влетели в медпункт, фонарь из руки выбили и кулаком в нос... Ну, я руками махать, а ничего не видно... Гену в бок толкнули...

– Не люди, а черти какие-то, – кивнул Геннадий Ефремович. – Руками не ухватить.

– А надо было хватать, пока они копыта свои не унесли. За рога хватать, за хвост...

– Не смешно, – насупленно глянул на меня Леша.

– Так никто и не смеется, – невесело хмыкнул я.

Похоже, хаос уже проник в наши ряды. Народ уже разграбил медпункт, что следующее на очереди? Неужели продуктовый склад?

Рука моя невольно потянулась к фляжке с коньяком: надо было успокоиться, освежить мысли. Но я одернул себя: слишком серьезно все, чтобы блаженствовать, лежа на боку. К складу надо идти, брать его под охрану, а то ведь разнесут все к черту. Если это уже не произошло...

– О, я бы тоже выпил! – Леша перевел взгляд с меня на бутылку водки, которая по-прежнему стояла на моей тумбочке.

Глаза его изумленно расширились. Его удивляла собственная безалаберность. Как так могло случиться, что столь драгоценная вещь осталась без присмотра? Время сейчас такое, когда можно думать только о своей рубашке. Ничего другого в его глазах я не прочел.

Он шагнул к тумбочке, а я в это время поднялся с лежака. Леша дернулся, поднес к груди сжатые кулаки. Похоже, он решил, что я собираюсь завладеть бутылкой, и приготовился со мной драться. Быстро же деградирует народ...

– Выпить хочешь? – пренебрежительно скривил я губы. – А закуска?

Я двинулся к дверям, и Лешу сдуло с моего пути. Парень он мощный, кряжистый, но и я не слабого десятка. Мои родители в правильной очереди стояли, когда Бог рост и силу раздавал. Мышечную массу я себе никогда не накачивал, но и без этого смотрелся весьма внушительно. Что Леша своим поведением сейчас лишний раз подтвердил. Да и кулаки у меня большие и крепкие. Так что лучше не становиться у меня на пути.

Я вышел в коридор и увидел двух мужчин. Один был в джинсовом, как у меня, костюме, другой – в шелестящем камуфляжном комбинезоне натовского образца и горных ботинках с эластичной, пружинящей подошвой. Не обращая на меня внимания, они стремительно шли в сторону пищеблока. Похоже, их также интересовала закуска.

И точно, в поварской я увидел толпу людей. «Капитан», «лейтенант» и два парня в белых куртках стояли спиной к железной двери, а на них надвигались туристы. И «гаваец» там был, и «моряк», и еще несколько особо умных; к ним и присоединился дуэт, за которым я следовал от своего кубрика.

– Да что вы такое говорите? – возмущенно мотал головой «капитан». – Как это разделить поровну? Мы и так все делим поровну! Мы вскрываем банки, разогреваем их содержимое, вы получаете горячую пищу!

– Одну банку нам, другую себе? Знаю, как у нас все делается! – наседа на «капитана» безусый юнец в теплом спортивном костюме цвета хаки. Волосы растрепаны, в глазах безумный блеск, рот искажен, под носом сопли, на губах пена. Казалось, он вот-вот бросится на Болгарова с кулаками.

– Ты, «капитан», мозги нам не выноси, не надо! – шагнул вперед «гаваец». – Давай делить все по-честному, и сразу! А разогреть харч мы и сами сможем.

Я подошел к нему и с улыбкой до ушей хлопнул его по плечу.

– Все правильно, так и надо, всем все поровну. По тридцать суточных пайков на один едальник. Ты получишь свою норму, спрячешь ее под нары, а завтра я приду к тебе и скажу: слышь, у нас такой закон, кто сильнее, тот и прав... Или ты сильнее меня, а? Так давай проверим, в чем вопрос?

Я отступил от «гавайца» на два шага, закатил рукава на куртке, встал в удобную для боя позицию.

– Я не говорил, что сильнее тебя, – растерянно пробормотал тот.

– Значит, я сильнее. Значит, я могу забрать у тебя и твою пайку. И твою подружку... Кстати, где она? Кто-то уже забрал на правах сильного? Или на правах наглого?

– Эй, ты чо, с дуба рухнул? Никто Нинку не забирал. И я за нее тебя на куски порву, понял! – гневно, но не очень уверенно заявил «гаваец».

– А это мы посмотрим, кто кого порвет! Когда дело до твоей Нинки дойдет. А пока продукты делить будем. А потом друг у друга отбирать. Я у тебя отберу, он – у него! – сначала я ткнул пальцем в «моряка», затем – в сопливого зачинщика смуты. – Потом я все у всех заберу!

– Слышь, ты здесь не быкуй! – напыжился «моряк». – А то мы тебе быстро навалим!

– Мы?! – до звона в собственных ушах взвыл я. – Кто это мы?.. Нет здесь такого понятия, как «мы»! Есть только толпа! Где каждый сам за себя! И никто за тебя не подпишется... А если ты такой борзый, давай, выходи, я тебе покажу, кто круче!

Я действительно готов был наброситься на «моряка» с кулаками, и он это почувствовал. Выглядел он, в общем-то, внушительно, но все-таки дрогнул под моим, пока еще только психическим натиском.

– Э-э, мужики! Это беспредел!

Он обращался за помощью к толпе, но никто не вызвался помочь ему. Но и сдаваться он не хотел.

– Да ты хоть знаешь, кто я такой?

– Ну и кто ты такой?

– Да у меня заводы свои, понял! Да у меня такие связи!..

– Руины у тебя свои! И связи твои ядерным грибком накрылись! Нет у тебя ничего, понял! Ты теперь сам по себе... Все мы теперь сами по себе! И писец нам, если все здесь будет решать грубая животная сила. Мы люди, а не животные! – раскатывая рукава на куртке, ревел я. – Животное внутри каждого из нас, но мы должны держать его в узде. Иначе мы сами себя затопчем! Людьями надо оставаться! И жить по-людски!.. Не будем делить паек, ясно? Все остается на своих местах!

Я так резко повернулся к Болгарову, что тот невольно вздрогнул.

– Ты отвечаешь за каждую банку с тушенкой, за каждый пакетик с джемом, за каждый кусочек сахара! И если хоть грамм скресишь, будешь иметь дело со всеми нами. Ты меня понял?

– Да нет, нет, все в порядке будет. Я для того здесь поставлен...

– Для чего ты здесь поставлен? – перебил его я. – Для того, чтобы за порядком следить? Так почему тут у тебя беспредел творится? Почему санчасть разнесли?.. Кстати, о таблетках!

Я снова обратился к толпе. Мужики смотрели на меня хмуро, исподлобья, но никто не пытался перечить. Похоже, я смог произвести на них угнетающее впечатление, как это делает матерый волк, подчиняя себе молодых, но уже злых подъярков из своей стаи.

– Я не знаю, кто там что брал, но через час я прихожу в медпункт и смотрю, все ли там на месте. Бинты там должны быть, мази, таблетки. Если ничего не найду, начну разбор полетов. У кого найду касторку, тому и поставлю клизму...

– По какому праву? – с кривой ухмылкой на губах, но все-таки недостаточно смело спросил мужик в натовском комбинезоне.

Голова у него бритая, лоб широкий, челюсть еще шире; черты лица грубые, асимметричные, взгляд хищный, загребуший.

– А по праву представителя закона!

Я уже год как уволился из органов, но служебное удостоверение до сих пор при мне. «Забыл» сдать его в отдел кадров, когда уходил. Оно даже не просрочено, и образец еще не устарел. А как эти корочки помогали мне выуживать нужную информацию у сознательных граждан. С бессознательными, честно говоря, было сложнее.

И здесь, как я понял, полно бессознательных личностей. Что ж, придется прививать им любовь к закону.

Я предъявил удостоверение и вернул его на место, во внутренний карман куртки.

– Война войной, а Уголовный кодекс никто не отменял! Или кто-то думает по-другому?

– Ну, вообще, все правильно, – кивнул «моряк». – Закон есть закон...

– Война войной, а ужин по распорядку, – блеснул интеллектом «гаваец».

– Да, да, сейчас все будет, – заверил нас «лейтенант». – Свет уже дали, воздух пустили, сейчас ужин приготовим...

– Через полчаса приходите, будем обедать, – уточнил время «капитан».

– А заодно собрание проведем, – постановил я. – Решать надо, как дальше жить будем...

Ты, капитан, информацию подготовь, что там за уровень радиации наверху. И нам «карандаши» раздай.

- Какие карандаши? – не понял «капитан».
- Индивидуальные дозиметры. Трубки такие блестящие.
- А-а, ИД-1?.. Так это, они старые, не работают. Там налет какой-то внутри...
- А рентгенометр? Ну, зеленый такой, с микрофоном, – оговорился я.
- С зондом, – поправил меня капитан. – Рентгенометр ИД-5...
- Что, тоже не работает?
- Нет, этот работает. Я замеры делал. Могу показать...
- И сколько мы рентген получили? Ну, примерно?
- Я не знаю. Индивидуальные дозиметры показали бы, но они не работают...
- А рентгенометр?

Эти вопросы я задавал по пути в помещение, где находились измерительные приборы. Я шел широким шагом, и Болгаров едва поспевал за мной.

– Он замеряет ионизационный ток. То есть обнаруживает процесс, который образуется после ядерного излучения. Излучение ионизирует вещество, вокруг которого образуются ионизационные токи. Чем больше токи, тем большее поражение мы получили...

«Капитан» говорил не очень быстро и внятно, я не совсем его понимал.

– Я слышал, уровень радиации сейчас порядка ста рентген, – вспомнил я, о чем говорил Валера.

– Да, примерно такой уровень был в момент взрыва. Но это проникающая радиация. Это гамма-излучение и поток быстро движущихся элементарных частиц – нейтронов, протонов, бета- и альфа-частиц. И длится это излучение всего несколько секунд после взрыва...

Мы вошли в помещение, кое-как оборудованное под пост радиометрического контроля. На шатком обшарпанном столе стояла коробка с индивидуальными дозиметрами, прибор «ДП-5» с микроамперметром на нем, кнопками, тумблерами и переключателями, войсковой прибор химической разведки; на стеллажах лежали свернутые и в чехлах комплекты общевойсковой защиты, противогазы, а на стенах было развешено несколько плакатов гражданской обороны. Жаль, что я не удосужился ознакомиться с ними раньше, а то не выглядел бы сейчас болваном в своих собственных глазах... Ну не понимал я, как радиоактивное излучение может длиться всего несколько секунд: ведь известно же, что проходят годы и столетия, прежде чем оно сходит на нет. А тут какие-то секунды... Но ведь Болгаров говорил со знанием дела.

– Излучение ионизирует клетки нашего тела, разрушая их, – положив ладонь на рентгенометр, продолжал Болгаров. – Самая сильная ионизирующая способность у альфа-излучения, но у него очень слабая проникающая способность. Его может задержать обычный лист бумаги. Так что здесь, в бункере, альфа-частиц точно нет. У бета-излучения проникающая способность больше, но в наше бомбоубежище оно тоже не проникло, в этом я вас уверяю. У гамма-излучения проникающая способность выше, чем у бета, в сто раз, но к нам оно проникло в незначительных количествах. Наибольшую опасность для нас представляет нейтронное излучение – вот оно-то и побывало у нас, и дало те самые сто рентген, о которых вы говорите. Но ионизирующая способность у нейтронов гораздо ниже, чем у альфа-частиц. Вот если бы сто рентген дало бы альфа-излучение, мы бы, возможно, здесь бы с вами не разговаривали... Сейчас нейтроны к нам уже не проникают, уровень радиации обычный для природной среды. Но клетки нашего тела в какой-то степени ионизированы, и мы можем измерить ионизационные токи – узнать, насколько мы, так сказать, фоним.

Болгаров настроил прибор, поднес зонд к моей груди. Стрелка даже не шелохнулась.

– Вот видите, первый поддиапазон молчит, – с безмятежным видом прокомментировал он. – Что ж, перейдем на миллирентгены.

Он щелкнул переключателем, но стрелка осталась на месте. И с третьего раза ничего не получилось. И только когда он перешел на четвертый поддиапазон, стрелка поднялась до половины шкалы.

– Ну вот, всего двадцать пять миллирентген. Жить будете, товарищ... Я не совсем понял, кто вы по званию...

– Майор, – подсказал я.

– Жить будете, товарищ майор.

– А двадцать пять миллирентген – это опасно?

– Нет, это вполне допустимая доза.

«Капитан» успокоил не только меня, но всех моих товарищей по несчастью, что находились за мной. Все они жадно и с волнением внимали специалисту.

– А это, санитарную обработку проводить надо? – спросил «моряк». – Ну, помыться там, одежду выстирать...

– Если только заражение обмундирования и кожных покровов составит пятьсот миллирентген в час. У вас и пятидесяти не наберется... Но коли есть желание принять душ и постирать одежду, возражать не буду. Запас воды у нас приличный, при разумном расходовании хватит на несколько месяцев...

– А до этого у нас закончится провизия, – озадаченно протянул «гаваец».

– Так через две недели можно будет на поверхность выйти. А там и еда, и вода... – «Моряк» озадаченно почесал затылок. – Только я чего-то не пойму. Излучение действует несколько секунд, и все? Тогда почему на поверхность выходить нельзя?

– Потому что там излучение, – ответил «капитан». – Но уже не от самого взрыва, а от выпавших радиоактивных веществ. Это продукты деления атомного горючего, оставшиеся после взрыва части ядерного заряда, а также радиоактивные изотопы, образовавшиеся во внешней среде под воздействием нейтронов... Все это сейчас очень сильно фонит, создавая угрозу для жизни. Радиоактивная пыль может попасть на одежду, на кожу, вызывая ионизацию клеток. Но самое страшное, если альфа-частицы попадут в организм с водой или едой... Так что прежде чем выйти на поверхность, нужно дождаться, когда понизится уровень радиации. А понижается он с кратностью в семь часов. Через семь часов после взрыва он должен уменьшиться в десять раз, через четырнадцать – в двадцать, через сорок девять часов – в сто раз, через две недели – в тысячу раз... Должен уменьшиться в тысячу раз, а как будет на самом деле, покажет время... Выйдем на поверхность, сделаем замеры – прибор «ДП-5» у нас работает, защита есть, противогазы тоже...

– А противогазы в рабочем состоянии?

– Э-э... – замаялся Болгаров. – Думаю, что да...

– Хлорпикрин есть?

– Нет, нет, нет! – замахал руками «капитан», радуясь тому, что нет возможности создать газовую камеру, где бы он на себе проверил работоспособность противогазов. – Да и не нужно это!

– Как это не нужно?

– Трудней задержать химическое вещество, а радиоактивную пыль задержит даже неисправный противогаз...

– А если нас еще и химией начнут травить? – спросил «моряк».

– Э-э... Ну все, конечно, может быть...

– Хреново ты к войне подготовился, капитан!

– А кто ж знал, что так будет?

– Создали тут бутафорию!

– Так нам только за это деньги и платили... Надо наверх пробиваться, в третий блок, там все на случай войны... Только я не знаю, захотят ли они поделиться с нами. Пока все нормально, пока хотят договариваться, а что будет через две недели, я не знаю. Может, они с ума к этому времени сойдут! Может, вырежут нас всех к чертовой матери!

«Капитана» затрясло от собственного пророчества. Мне даже показалось, что сейчас он еще и расплатится... Да, неважный попался нам командир. Вроде бы и умный мужик, а толку от него никакого. Но и мне вовсе не хотелось брать на себя его обязанности. Пусть он дальше руководит процессом, а я буду сдерживать толпу, в роли добровольного жандарма.

2

Я стоял у плаката с изображением рентгенометра «ПД-5». Лампочка под сводчатым в разводах потолком едва теплилась, но все же я смог прочесть информацию о его назначении. Измеритель мощности дозы являлся основным прибором для измерения уровня радиации и радиоактивной зараженности различных предметов по гамма-излучению. По гамма-излучению!

А ведь я чувствовал какой-то подвох. Поэтому и пришел в пункт дозиметрического контроля. Проснулся среди ночи; тьма вокруг, а в ней разлита тревога, и она тяжелыми каплями скатывалась на сознание, лишая меня покоя. Я чувствовал радиацию, я ощущал, как она разъедает меня изнутри, как разлагает мозг, сердце, легкие, печень, почки. А Болгаров уверял, что ничего страшного не происходит. Что-то не то было в его объяснениях, что-то не то...

«Капитан» сейчас спал. Отсек, в котором он обитал, оборудован был железной дверью, и не так-то просто до него добраться.

Кубрик этот находился в конце полутемного коридора, у аварийного входа. У тяжелой сейфовой двери я увидел «моряка», Сергея Павловича Князьева, как он мне представился, и еще одного дневального из дежурной смены. Они стояли на полусогнутых ногах, чуть наклонившись вперед. И лицом друг к другу. Но смотрели куда-то вверх, наострив уши.

Услышав мои шаги, «моряк» протянул ко мне руку, требуя тишины. Я замер, прислушался. За дверью, где-то под потолком, раздавался странный звук. Как будто гигантская крыса разрывала лапами землю.

– Что там такое? – шепотом спросил я.

– Не знаю, – пожал плечами «моряк». – Как будто кто-то скребется.

– Кто?

– Спроси что-нибудь полегче.

– Может, сверху к нам кто-то продирается?

– Запросто... Они там дизель экономят, напряжение в сети совсем никакое. Мы для них лишние. Может, вырезать нас хотят?

– Зачем? Им проще провод к нам отрезать, – логически рассудил я.

Но все же тревога в душе усилилась. Не к добру этот шум за дверью аварийного входа.

У нас была связь с третьим блоком – Болгаров часто разговаривал с начальником гражданского бомбоубежища, спрашивал радиационную обстановку, просил повысить напряжение в сети; и вроде бы общение проходило бесконфликтно. Иногда до нас доносились звуки сверху – то дверь с силой откроется, стукнувшись о стену, то что-нибудь упадет. Этажи разделяли не только плиты перекрытия, но и слой земли, поэтому мы не могли слышать шаги какого-нибудь тяжеловеса. Зато легко улавливались звуки воды, льющейся сверху по трубам за стеной умывальника. Это указывало на то, что над нами бурлила жизнь.

Ну а вдруг обитателям третьего блока не хватает жизненного пространства, вдруг им нужны наши просторы, не заселенные и на десять процентов? Что, если поэтому они готовят диверсию?.. Но ведь можно просто договориться? Мы пустим их сюда, а они поделятся с нами продовольственными запасами... А если они не хотят делиться? Вдруг мы для них настолько чужие, что нас уже приговорили к смерти?

Все эти мысли противоречили здравому смыслу, но тревога становилась все сильнее. И шум за дверью сгущал ее, а еще, также извне, в мое сознание, казалось, wpłyвали телепатиче-

ские волны, внушающие мне беспокойство. Мало-помалу я становился неврастеником, и меня уже пугало все – и ядерное пепелище на месте Москвы, и эта невыносимая толща земли со всех сторон. Казалось, еще чуть-чуть – и меня накроет приступ клаустрофобии.

И не было уже никаких сомнений в том, что я стал жертвой ядерной войны. Почти никаких... Сомнения заменило чувство тревоги, и оно, казалось, сводило меня с ума. А ведь шла всего третья ночь нашего заточения. Неужели через неделю я стану законченным психом?

Шум за дверью вдруг стих. Но теперь тревога исходила от самой тишины, вязкой, гнетуще-тяжелой.

– Кажется, успокоились, – безрадостно прошептал «моряк».

Сергей Павлович действительно был акционером нескольких металлургических заводов, миллионером. Но, поскольку непосредственного участия в управлении этими предприятиями он не принимал, то врагов у него, как ему хотелось на это надеяться, не было, поэтому жилось ему спокойно и опасения за собственную жизнь не донимали. Поэтому и не пользовался услугами телохранителей, которых мог бы взять с собой сюда, под землю. И это хорошо, иначе бы мне пришлось иметь дело с ними за то, что я наехал на их босса.

А ведь я действительно готов был подраться с ним, чтобы приструнить распоясавшуюся толпу. Я в тот день и собрание провел, и даже организовал дежурство по бункеру. И лекарства в медпункт вернулись в тот же день.

Мне удалось предотвратить бунт на корабле. Но сейчас я, пожалуй, не взялся бы за это дело. Не хотелось мне ни во что больше ввязываться: лень меня одолела. Замкнутое пространство, казалось, высасывало жизненную энергию, насыщая образующиеся пустоты апатией, густой, как болотная жижа. И еще изнутри меня разъедала радиация, заставляя принимать на грудь больше обычного. Коньяк заканчивался, запасов спиртного в убежище не было, и я даже представить боялся, что будет со мной, когда нечем будет глушить свой страх... Тогда я точно сойду с ума через неделю.

Со скрипом открылась дверь, и к нам вышел заспанный Болгаров. Вместо полевой формы на нем был байковый спортивный костюм, такой же мятый, как и его лицо.

– Что у вас тут такое? – потирая глаза, спросил он.

– Да за дверью шуршал кто-то, – ответил Сергей Павлович.

– Мыши?

– Ага, размером со слона.

– Тогда уже размером с мамонта, – в мрачной усмешке скривил я губы. – У мамонта бивни есть, а слону землю рыть нечем...

– Может, вы сами раздули этого слона? – спросил «капитан». – Из мыши.

– Может, и раздули. А ты, я так думаю, этого слона сдул. «ДП-5» какое излучение измеряет?

– Радиоактивное.

– А точнее? Альфа, бета, гамма?

– Ну, гамма... Хотя можно и бета-излучение обнаружить. А что такое?

– Нейтронное излучение оно не обнаруживает. И не измеряет. А у нас тут больше всего нейтронное излучение было. Какую дозу мы получили?

Я едва не разорался от волнения. Точно, нервы ни к черту. Что-то нужно делать, иначе я и недели не протяну.

– Ну, не очень большую...

– А фонит от нас как?

– Ну, вы же купались, одежду стирали... Успокойся, Платон Григорьевич, – встревоженно смотрел на меня Болгаров.

– Надо было и гамму измерить. – Мне пришлось напрячь всю свою волю, чтобы взять себя в руки.

– Нечем.

– Мог бы и сказать...

– Должен же я был вас как-то успокоить... Я вам даже больше скажу. Прибор не работает. То есть он работает, но там встроенный источник радиации...

На губах у Болгарова заиграла торжественно-загадочная улыбка, как будто он собирался сообщить нам сенсационную новость. Но в это время послышался женский визг.

Он исходил из коридора, соединяющего между собой первый и второй блоки.

– Что там такое?

Пока моя голова соображала, ноги уже понесли тело вдоль по большому коридору. И все остальные полуночники бросились за мной.

В перемышке между блоками находилась телеграфная, а напротив – большое жилое помещение, разделенное дощатыми перегородками на несколько комнат для семейных пар. В этих отсеках и сырости было поменьше, чем в нашем, например, кубрике, и теплей, и светлей, и кровати стояли нормальные, а не нары. В одной из комнат что-то происходило.

Какой-то женщине мог присниться кошмарный сон, но я почему-то далек был от этой мысли. Интуиция подсказывала мне, что произошло нечто экстраординарное.

Я сворачивал в переходной коридор, когда снова прозвучал женский крик – на этот раз протяжно, надрывно и пронзительно. И еще я услышал чье-то злобное рычание и глухие удары.

Железная дверь тамбура, общего для семейных комнат, была открыта. И следующая, тонкая деревянная дверь распахнута настежь; переступив порог, я увидел жуткую картину. Один здоровяк держал «гавайца» за сведенные за спину руки, а другой – бил жертву кулаками в живот. Его подруга Нина стояла на кровати в розовой пижаме и что есть мочи кричала, призывая на помощь. Но налетчики никак не реагировали на это. Похоже, они ничего не соображали и не понимали, что их могут остановить силой.

Это были люди из нашей группы – Слава и Сева, как они называли друг друга. Бритоголовый Слава в натовском камуфляже работал кулаками, а его дружок Сева держал жертву. И у обоих вид совершенно невменяемый, глаза мутные, невидящие.

Слава, казалось, даже не увидел меня, когда я, схватив его за плечо, развернул к себе лицом. И никак не отреагировал, когда я ударил его головой. Это был мой коронный удар, и Слава не смог устоять на ногах. Сознание он потерял еще в падении, а на бетонный пол тяжело бухнулось уже бесчувственное тело. Следом за ним упал и «гаваец», потому что его уже некому было держать, а сам стоять он не мог.

Сева отступил в угол между шкафом и стенкой. Он смотрел на меня так, как будто только что проснулся и сейчас не мог понять, что происходит.

– Ну ты и урод! – разъяренно заорал на него я.

– Я... Я не хотел...

На самом деле Сева все понимал и отдавал себе отчет в своих действиях. Только по физиономии получить не хотел, поэтому и напустил на себя жалкий вид.

– Это все Слава!

Он пальцем тыкал в своего дружка, который лежал на полу и конвульсивно дергал ногой, будто подтверждая свою вину.

Похоже, я переборщил с ударом – как бы до летального исхода дело не дошло. Я склонился над Славой, приложил средний и указательный пальцы к его кадыку, свел их чуть-чуть в сторону к углублению, где ритмично, без затуханий бился пульс. Я несколько раз несильно хлестнул его ладонью по щекам, и он открыл глаза. И нога дергаться перестала. И сам он даже не пытался брыкаться...

– Это все Слава, – повторил Сева. – Бабу захотел...

– Моя Нина – не баба!

«Гавайцу» помогли подняться на ноги. Пошатнувшись, он подошел к Севе и с такой силой врезал ему кулаком в челюсть, что тот гулко стукнулся затылком о стену и с обморочным видом сполз на пол. Но и сам мститель не смог при этом удержаться на ногах, хорошо, Валера вовремя подоспел; обхватив его руками, смог удержать на весу.

– Эта сволочь сказала, что я с ним теперь должна жить, – пояснила Нина, показав на поднимающегося с пола Славу.

– А что, одним все, а другим ничего? – возмущенно спросил тот, с ненавистью глянув на меня.

– Животное!

А что я еще мог сказать? Оскотинился мужик, потерял человеческое лицо, потому и напал на более слабого «самца», чтобы завладеть его «самкой». И ни к чему тратить сейчас на него слова, пытаюсь убедить его в том, что так поступать непозволительно. Судить его надо. Собрать людей и судить. А может, и смертный приговор ему вынести. Чтобы другим неповадно было.

Слава поднялся на ноги, пугливо отошел к дальней стене и по-шакальи, исподлобья обвел взглядом собравшихся в комнате людей.

– Ты, козел, я тебе сейчас морду набью! – заорал на него Валера.

Он думал, что Слава дрогнет перед ним, но тот, напротив, взбеленился.

– А давай раз на раз! – в бешенстве заорал он. – Я тебя сейчас самого козлом сделаю!

– Обломаешься!

Валера струхнул, но попытался скрыть внутренний страх за внешней бравадой.

– А ты, Слава, точно животное!

Зато «моряк» ничуть не боялся сойтись с подлецом на кулаках. И рукав на куртке стал закатывать.

– Я тебя сейчас бить буду.

Совсем недавно я всерьез думал, что во мне перегорело желание радеть за справедливость. Но даже сейчас, под гнетом сильнейшей депрессии, я готов был бороться за нее не только на словах, но и на деле. Можно было бы отдать Славу и его придурковатого дружка на растерзание толпе, но все-таки я решил изолировать их, чтобы затем устроить показательный суд.

Я сам шагнул к Славе, чтобы взять его за шкирку, но тот, похоже, окончательно пришел в себя. Парень он мощный, тяжеловесный, и «гавайца», как я видел, бил со знанием дела. Но в том-то и дело, что я видел, как он избивал слабого. И алкогольный градус во мне снизился до критического порога, за которым я слабо владею собой. Одним словом, у меня чесались кулаки, поэтому я с удовольствием навалился на противника.

Тот действительно оказался неплохим бойцом и даже смог провести точный удар. Правда, я чуть увел голову в сторону, и кулак хоть и больно, но всего лишь чиркнул по челюсти. Я резко сблизился с противником, и мой кулак тараном врезался Славе под самый подбородок. И еще удар, и еще...

Когда я иду на удар, меня лучше не злить. А Слава смог это сделать, поэтому я потерял контроль над собой. И хорошо, что «моряк» оттащил меня от жертвы.

Я разъяренно глянул на Сергея Павловича, но наказывать его не стал.

– Если ты такой умный, вяжи эту тварь!

«Моряк» согласно кивнул и, приподняв полы охотничьей куртки, начал вынимать из брюк ремень.

Я глянул на Валеру и глазами показал ему на Севу. Тот все понял и тоже стал доставать поясной ремень, чтобы связать парня.

– Не надо! Хватит! – вмешался вдруг Болгаров. – Я вам сейчас все объясню! Дело в том, что...

Но ничего объяснить он не успел. Вдруг со стороны запасного входа что-то взорвалось. Звук был резким и таким громким, что, несмотря на расстояние, зазвенело в ушах. И стены содрогнулись, и пыль с потолка посыпалась.

Люди, собравшиеся у дверей комнаты – а их было много, побежали на звук. Любопытство разобрало и меня, но я должен был закончить с преступниками. Одного вязал «моряк», другого – Валера, а я наблюдал за ними, ну в точности, как прокурор – за действиями милиции.

И только пронзительный женский визг смог оторвать меня от столь занимательного процесса. Стремительным шагом я вышел в общий тамбур для трех комнат с дощатыми стенами и тонкими филленчатыми дверями, затем – в коридорный перешеек и по инерции, не успев свернуть, стукнулся плечом о закрытую дверь пустующей телеграфной, куда собирался поместить Славу и Севу.

Но мысли об арестантах вмиг выветрились у меня из головы под напором новых, как оказалось, куда более страшных событий.

Я еще не вышел из соединительного коридора, когда мой нос уловил кислотовато-едкий запах сгоревшего тротила. В клубах дыма, смешанного с бетонной пылью, бежали люди, но уже в обратную от взрыва сторону. Я увидел Нину; девушка с истошным криком неслась ко мне. На лице гримаса ужаса, в глазах безумный страх. В шаге от нее бежал Валера, так же, как и большинство, разбуженный девичьими криками, а точнее, первым ночным происшествием, которое должно было показаться мне сущим пустяком по сравнению с тем ужасом, который происходил сейчас.

За Ниной, плечом к плечу с Валерой бежало незнакомое мне существо с грязными патлами и какой-то сверхъестественной яростью в красных воспаленных глазах. Слой серой пыли запудривал безобразные гнойники на лице; одежда грязная, в каких-то бурых разводах, рваная. В руках он держал кирку, которой и ударил девушку.

Затупленный конец кирки скользнул по ее ключице, царапнул грудь, но плоть не пробил. То ли патлатая страхолюдина промазала, то ли собиралась поймать Нину киркой как крюком. Выяснить это я не успел, потому что Валера резко сместился и, повернувшись к уродливому существу, толкнул его двумя руками. Они вместе повалились на пол, но на них уже готов был обрушиться другой упырь с таким же гниющим лицом и чернозубым оскалом.

Если бы я не вмешался, это существо забило бы Валеру кайлом. Пока оно замахивалось, я успел сблизиться с ним и двумя руками схватиться за кирку. Но вырвать оружие не удалось: ревящее пугало крепко держалось за него, а сила в его руках казалась если не чудовищной, то близко к тому.

Секунду-две, пока длилось немое противостояние, я смотрел в глаза упырю. Глаза его напоминали пылающие кратерные озера – сверху яростный огонь горячей жидкости, а под ней студеная, глубокая и мертвая вода. Кто-то зажег этот яростный огонь, а само существо, казалось, совершенно не понимало, что с ним происходит. Глаза его полыхали, лицо искажала бесконтрольная злоба, но под этой маской я смог разглядеть безжизненную арктическую пустыню.

Не вышло у меня завладеть киркой, но я смог ударить упыря ногой в живот. С истошным, похожим на ржание звуком он упал, спиной навалившись на знакомого мужчину из нашей группы, за которым гнались его патлатые и гнилозубые сородичи. В полутьме под потолком я увидел, как взметнулся вверх молот кирки, и услышал человеческий вскрик.

Инстинкт самосохранения удержал меня от безрассудного шага, и я не стал лезть в надвигающуюся на меня гущу событий. К тому же нужно было выручать Валеру, которого уже с ревом погреб под собой сбитый им страшила.

Я схватил упыря за шкуру, но ветхая ткань его куртки расплзлась под моей рукой. Тогда я ударил его замком из сцепленных рук по затылку, и Валера этим воспользовался.

Я не мог помочь парню скинуть с себя отдаленное подобие человека, потому что мне пришлось уворачиваться от кирки, которую обрушил на меня другой гнилолицый гнилозуб.

Я ушел чуть в сторону, избежав убийственного удара, но существо, не удержавшись на ногах, рухнуло на меня. Я оттолкнул его в сторону и устремился к железной двери. По пути протянул руку Валере, помогая ему подняться.

Жилой отсек из трех семейных комнат был открыт, и стоящий в дверном проеме «моряк» махал нам рукой, требуя поспешить. Нина уже скрылась за железной дверью, и мы с Валерой могли последовать за ней. Но парня схватили за ноги, он стал падать, а я попытался его удержать.

Один упырь держал его за ноги, другой навалился со спины, третий тянул к нему кирку. И тут я решил воспользоваться пистолетом.

Одной рукой я тянул на себя Валеру, а другой достал из кобуры пистолет. Но мне нужно было передернуть затвор, чтобы дослать патрон в патронник, и я отпустил парня. Не скажу, что во мне богатырская сила, но после того, как я это сделал, Валера стремительно стал удаляться от меня. Одни чудовища тащили его за ноги, а другие уже лезли на меня. Кто-то замахнулся кайлом...

Оглушительно звонко хлопнул выстрел. Пуля попала в глаз существу с окровавленными бинтами на шее. Он дико взвыл от боли, выронил из рук рубящее свое оружие, закрыл руками лицо, но не упал, а продолжил надвигаться на меня. И другие уроды напирали, протягивая ко мне загрубелые и полопавшиеся от грязи руки. А вот и киркой кто-то замахнулся... Бах! Бах! Бах!

Резиновые пули не смогли остановить странных людей, но слегка замедлили их продвижение. Я вполне успевал забежать в отсек и спрятаться за железной дверью, но, увы, «моряк» уже изменил свое решение. Он захлопнул спасительную, как мне казалось, дверь перед самым моим носом. И мне ничего не оставалось, как забыть о ней и отступить дальше в глубь коридорного перешейка.

Сворачивая в коридор второго блока, я заметил, что существа в грязных обносках следуют за мной. Но несколько из них остались возле двери, за которой забаррикадировался «моряк» со товарищи.

Упыри шли за мной, косолапо переваливаясь с ноги на ногу. Вроде бы и неторопливая у них походка, но двигались они на удивление быстро. И мне пришлось перейти на бег, чтобы оторваться от них.

Я не знал, что это за существа, но понимал, что их много и пришли они сюда, чтобы уничтожить нас. А появились они со стороны запасного входа. Вышли к двери, взорвали ее тротиловым зарядом и хлынули в коридор первого отсека, сметая все на своем пути.

Неужели радиация нейтронной бомбы оказалась столь сильной, что превратила обитателей верхнего третьего блока в мутантов? Или эти монстры попали в убежище уже после взрыва?.. Но человек не мог мутировать так быстро! Он мог умереть или слечь от смертельной дозы облучения. Но даже под гниющими язвами лучевой болезни он бы не потерял человеческого обличья, не стал бы сбиваться в звериные стаи, чтобы уничтожать на своем пути все живое... К тому же существа, утащившие Валеру, мутировали уже давно; на мысль об этом наводила хотя бы истлевшая одежда на них...

И это, похоже, не простые, а зомбированные мутанты. Я чувствовал, что им не нужна моя плоть, и не к ней они рвутся, а кто-то невидимый управляет ими, натравливая на неудобных ему людей.

Некогда было размышлять над мерзостями навалившегося бытия. На меня со стороны главного входа надвигалась рослая особь с киркой в руках. Лысая в язвах голова, темные круги под ввалившимися глазами, скривленный беззубый рот; нижняя челюсть опущена, как у законченного олигофрена в состоянии глубокой задумчивости. Он приближался ко мне походкой злобствующего орангутанга, даже ухал как обезьяна. Но мне больше всего не нравилось, что он размахивал кайлом, собираясь обрушить на меня острую половину молота.

Я уже сменил обойму в пистолете, дослал патрон в патронник, поэтому мне ничего не мешало выстрелить в него. Но все-таки я подошел к нему поближе и выстрелил точно по глазам. Мутированная особь взвыла, выронив из рук кирку, но тут же нагнулась, чтобы подобрать упавшее оружие. Я ударил упыря ногой в бок, оттолкнув его к стене. Он не упал, но руку от кирки отвел, и это позволило мне завладеть ею.

Я мог бы ударить воющее существо кайлом, но не стал тратить время. За мной двигалась хрюкающая масса косолапых мутантов, и я убегал от них непонятно куда. Главный вход заблокирован, а помещения второго блока как жилые, так и служебные были без дверей. Ни спрятаться, ни закрыться. А упыри продолжали следовать за мной.

Коридоры второго и первого блоков сходились у главного входа. Но там я напоролся на нападавших. Один был с киркой, другой – с тяжелым ломом, и оба перли на меня с уверенностью бронетанковых единиц.

Одного я ударил с разворота киркой в голову. Услышал, как хлюпнула пробитая острием плоть, почувствовал, как на щеку плюхнулась жирная теплая капля, но результат своей работы рассматривать не стал. Некогда было. Мне нужно было двигаться дальше, поэтому второго мутанта я обошел, едва увернувшись от лома, штыковым ударом направленного в меня.

Я побежал по знакомому коридору, мимо своего отсека, в глубине которого, в полумраке заметил неподвижное тело лежащего на полу человека. Это мог быть кто-то из братьев Сахатовых. Увы, у меня не было времени уточнить, кто именно из них пал от кирки подземных упырей. Тем более что на пути снова попался мутант с разбитой головой и окровавленным лицом. Он был без кайла, но бросился на меня с мощью и ловкостью разъяренного льва. Хорошо, коридор был достаточно широким, чтобы я смог вернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.